

АЛЕКСЕЙ ФИЛАТОВ

ЛЮДИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

18+

Алексей Филатов

Люди «А». Второе издание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63632851

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-99185-9

Аннотация

Что мы знаем о людях «А»? Кто эти парни, прошедшие через ад, который они называют командировкой? Через боль и кровь, которые у них именуются работой? Они нечасто надевают форму и почти не дают интервью. Их редко благодарят прилюдно, награждают закрытыми указами, а звание Героя чаще присваивают павшим, чем живым. Тем ценнее эта книга о бойцах «Альфы», самого закрытого российского подразделения антитеррора. Её автор, подполковник Алексей Филатов – один из них. Всё написанное здесь – чистая правда. Филатов пишет, как живёт: не скрывая мыслей и чувств. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие ко второму изданию	6
От автора	9
Я	12
1989, осень. Москва, Братеево	14
1980, весна. Москва, Царицыно	17
1985, осень. Орёл. Орловское высшее военное командное училище связи КГБ имени М. И. Калинина	22
1989, зима. Чехов. Заглублённый командный пункт Управления стратегических войск	25
1991, зима. Москва – Чехов – Москва	29
Савельев	38
1992. Москва, штаб-квартира группы «А»	40
1991, лето. Москва	45
1979, декабрь. Кабул	48
1979, декабрь. Москва	54
1992. Москва, штаб-квартира группы «А»	56
Прошрое. 1946–1971	58
Девяностые. Москва – Грозный	60
1988, осень. Нагорный Карабах	64
Девяностые. Москва, Кунцево	66
1988, зима. Северная Осетия, Орджоникидзе	69
1997, зима. Москва, аэропорт Шереметьево	73

1997, декабрь. Москва, шведское посольство	80
1997, декабрь. Подмосковье	89
1997, декабрь. Москва	92
Сергеев	97
1993, ночь с 3 на 4 октября, 3:15. Москва, Кремль, третий этаж первого корпуса, зал заседаний	99
1993, 3 октября, утро. Москва, Измайлово[14]	103
1974–1993. СССР – Россия	107
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Алексей Филатов

Люди «А». Второе издание

Что мы знаем о людях «Альфы»? Они редко надевают форму. Награды им вручают закрытыми указами. Они мало рассказывают о себе, почти не дают интервью и никогда не снимаются для фото в популярных журналах.

Кто эти парни, прошедшие через ад, который они называют командировкой? Через смертельный бой, боль и кровь, которые у них именуются работой?

Их редко благодарят прилюдно. Звание Героя чаще присваивается павшим, чем живым.

Тем ценнее эта книга о бойцах «Альфы», самого закрытого российского подразделения антитеррора. Её автор, подполковник Алексей Филатов – один из них. Всё написанное в этой книге – чистая правда. Филатов пишет так, как живёт: не скрывая мыслей и чувств.

Он и воевал так же. А других в Группе «А» нет.

Предисловие ко второму изданию

Всё началось с пустяка.

Когда три года назад я заканчивал книгу «Люди А», я даже не задумывался о её коммерческом успехе. Это была книга-исповедь, книга-признание. Исповедь о пятидесяти прожитых годах и признание в любви. В любви к Группе «А» – подразделению, которому я отдал большую часть своей жизни и которое подарило жизнь мне, наполнив её смыслом и обогатив радостью крепкой мужской дружбы, которая длится дольше жизни. Я писал эту книгу, отдавая долг памяти моим товарищам и наставникам – здравствующим и ушедшим. В первую очередь, я писал её для них.

К моему удивлению, десять тысяч экземпляров книги быстро разошлись, и встал вопрос о допечатке тиража. Тот самый пустяк.

К тому времени я уже закончил новую рукопись «Будёновский рубеж» – исследование трагических событий лета 1995 года. Работая над ней, я общался со многими людьми, в том числе из нашего подразделения, и собрал немало фактов и интересных подробностей, о которых не знал прежде. Мне хотелось дополнить некоторыми из них и книгу «Люди А», а заодно внести ряд уточнений и исправлений – результат участливого внимания моих друзей и сослуживцев.

Кроме того, произошли и другие события – о них я напи-

сал в этой книге, — которые подвигли меня на то, чтобы включить в неё несколько новых глав. Таким образом, становилось ясно, что рождается новое произведение, хоть и с прежним названием.

Как я уже упоминал, в этом издании появились некоторые подробности операции в Будённовске, которая описана в главах, посвящённых Виктору Ивановичу Блинову. Но бо́льшая часть дополнений связана с Юрием Николаевичем Торшиным. Признаюсь, в первом издании в силу определённых обстоятельств его образ получился более сглаженным, ровным и мягким, чем в реальной жизни. Кто знал его, не дадут соврать: Юрий Николаевич был более сложным, жёстким, интересным и, откровенно говоря, для многих неудобным человеком. Настало время открыть и эту сторону его личности. Появились тут и главы, посвящённые «Норд-Осту». За штурм театрального центра на Дубровке четверо его участников и руководителей Центра специального назначения ФСБ получили Звезду Героя. Не получил её лишь полковник Торшин, который непосредственно руководил штурмом. И я расскажу почему.

Я по-прежнему писал эту книгу, в первую очередь, для своих друзей. Как длинный разговор за столом, когда мы вспоминаем события прошедших лет: одни — смешные, другие — удивительные, третьи — трагические. Эта наша жизнь, наше прошлое, которое, как корни дерева, питает нас сегодняшних своей неисчерпаемой силой. И я приглашаю моих

читателей прикоснуться к этой силе, почувствовать её и сохранить в себе крупицу истории нашей Родины и нашей жизни, которая уместается в одну букву – «А».

От автора

Фото из архива автора

Эта книга о людях, с которыми я служил в подразделении антитеррора «А». Оно же – «Альфа».

Что такое «Альфа» и чем она занимается, вы знаете. Если, конечно, живёте в России и хотя бы иногда смотрите телевизор.

События, которые принесли подразделению славу – не лучшие в нашей истории. Группу «Альфа» не зовут туда, где всё хорошо. «Альфа» – последняя надежда в очень тяжёлых ситуациях, таких как война, теракт, вспышка насилия и тому подобное. Люди не любят думать о таких вещах. И их можно понять.

К сожалению, войны, теракты и насилие были, есть и будут. К счастью, на такой случай есть «А».

В этой книге нет летописей и хроник «альфовских» операций, рассказов о подготовке спецназовцев и тому подобного. На эту тему написано множество книг, статей и иных материалов. В основном, доступных для всех интересующихся. Что недоступно – знать необязательно.

Перед вами – правдивый, насколько это возможно, рассказ о нескольких бойцах подразделения. Живых и мёртвых. Некоторые известны, как полковник Савельев, погибший у шведского посольства, или полковник Торшин, которого до сих пор вспоминают в Чечне. Некоторых помнят только родные и близкие друзья. Но все они прожили достойную жизнь.

Достойную и интересную. О которой стоит рассказать.

Эта книга – моё видение. Ответственность за него несу только я.

Поэтому я начну свой рассказ с себя. С того, кем я когда-то был.

R

Фото из архива автора

1989, осень. Москва, Братеево

Я бегу.

Полпятого утра. Час волка, как говорят врачи-неврологи. Время, когда человек особенно слаб. Говорят, чекисты в тридцатых любили арестовывать именно в это время.

Дождь лупит в лицо. Мне плевать. Я бегу.

Рядом тормозит такси. Водитель опускает стекло.

– Подвезти? – предлагает он.

– Спасибо, шеф, не надо, – отвечаю как обычно. И машу рукой: проезжай.

Водитель даёт по газам и скрывается за поворотом.

Вокруг – панельные коробки пятиэтажек. Между ними натянуты верёвки, сушится чьё-то бельё. Пустыри новостроек, обломки бетонных плит со ржавой арматурой. Это Братеево. Здесь я живу. И бегаю здесь уже несколько лет.

Нет, я не любитель ранних пробежек. Я тороплюсь на службу. Мне нужно успеть на электричку до Чепелёво. До станции семь километров. Это полчаса бега.

Хорошо в тёплое время: поутру тихо, прохладно, звенят кузнечики. Осенью и весной льют дожди. Бежать по размытой дороге тяжело. А зимой мёрзнут ноги. Я бегаю в кедах, они не держат тепло. Кеды старые, но других нет. Я всегда смотрю под ноги, чтобы не разбить их о камни, не порезать о битое стекло. Купить новые я не могу.

Мне двадцать четыре. Я молодой, сильный, на пике формы. Я старший лейтенант, служу на сверхсекретном объекте. Но не могу купить себе новые кеды. Я ничего не могу купить. Моего офицерского жалованья едва хватает, чтобы прокормить семью. Поэтому сам я живу на рубль в сутки. Сорок пять копеек – билет на электричку в одну сторону, пятьдесят пять – обед в столовке. Автобус до станции не вписывается в бюджет. Электричка в обе стороны – тоже. Поэтому до Чепелёво я еду без билета.

В пять утра я сажусь в вагон. Турникетов нет, они появились позже. Первые две остановки можно отдохнуть и согреться. Я опускаю капюшон куртки, поджимаю ноги и пытаюсь урвать несколько минут сна.

Потом заходят контролёры. Я узнаю их по грохочущим шагам и по силе, с которой колотятся двери, открываемые размашистым движением. Тогда я встаю и быстро перехожу в другой вагон. Стук настигает меня и здесь. Я ухожу дальше, пока электричка не останавливается. Тогда я выхожу на перрон, и бегу в начало поезда, где контролёры уже побывали.

Я такой не один. В тамбуре всегда толпятся люди. У них нет денег на билет. У них вообще нет денег.

О чём я думаю, трясясь в обшарпанном вагоне? О том, что моя семья ютится в отцовской двушке в Братеево. Что нам не хватает на жизнь. Нам не хватает даже на еду. Утром по выходным я вижу, как мой отец пьёт скисшее молоко. Он не даёт его выбрасывать – слишком расточительно. Он пьёт, не

морщась. Я смотрю на это и молчу.

Хочется вдоволь поесть, прилично одеться, купить хорошую обувь. Но магазины пусты, а на рынках всё втридорога.

Мне нужна квартира, машина, достойное жалованье. И настоящая мужская работа. То есть служба. И я точно знаю, где именно я хочу служить. В спецподразделении «А».

Я создан для этой работы. Я окончил школу со спортивными разрядами по лыжам, лёгкой атлетике, плаванию, гимнастике, борьбе, волейболу, стрельбе. Я занимался в подпольной секции карате. На первенствах КГБ по троеборью ребята ходили смотреть, как я выполняю подтягивания. Во мне было девяносто кило. Нормативом было тридцать подъёмов. Я дотягивался подбородком до кнопки тридцать один раз.

Нет, я не просто мешок с мускулами. У меня отлично работает голова. Я прекрасно разбираюсь в математике и физике. На вступительных экзаменах в Орловское училище связи я решил задачу по оптике четырьмя разными способами, чем поразил комиссию.

Но всё оказалось бесполезно. Я пытался поступить в подразделение. И мне объяснили, что туда меня никогда не возьмут. Не стоит и надеяться.

Но всё равно я буду дома тягать железо, а вечером – бегать в лесопарке. Это вопрос самоуважения. Чести, если угодно.

Я должен быть готов.

И я бегу.

1980, весна. Москва, Царицыно

Пятиэтажка – самое высокое здание в нашем военном городке. Чердак не заперт, можно забраться на крышу. Там хорошо. Вокруг лес. Вдали – недостроенные корпуса многоэтажных домов. Это ещё не Москва. Москва – там, вдалеке.

Мне пятнадцать лет. Моим товарищам примерно столько же. Мы сидим на крыше и болтаем про Олимпиаду. Скоро наступит лето, и мы её увидим.

Хрущёв обещал советским людям коммунизм к восьмидесятому году. Его потом сняли за волюнтаризм. Но обещание запомнилось. И советская власть, поднатужившись, планку взяла: показала советским людям немножечко коммунизма. В одном отдельно взятом городе. Одним отдельно взятым летом. И не бесплатно, а за свои кровные. Однако показала. Да так, что потом об этом вспоминали годами, как о путешествии в рай.

Под приезд иностранцев в магазинах появились продукты. На улицах продавали булочки «калорийные» (сейчас от такого названия любую девушку бросило бы в дрожь). Кусочки финской колбасы в пакетиках – тридцать пять копеек сто грамм. Оранжевая «фанта» и соки. Соки в пластиковой коробочке с приклеенной трубочкой – это казалось чудом! В ГУМе и ЦУМе с лотков продавали «Кент» и «Мальборо» по рублю. И прочие чудеса и диковины. Даже квас из цистерн

наливали в одноразовые финские стаканчики. Их, конечно, никто не выкидывал, и они ещё много лет украшали собой советские кухни.

Но мы с ребятами так и не увидели всех этих сказочных чудес недостроенного коммунизма. Вместо Олимпиады нас отправили в трудовой лагерь под Харьковом. Советская власть пустила в свой рай не всех. Столицу закрыли от посторонних, а местных жителей изрядно почистили. Куда-то выслали всех бомжей, проституток, всякий мелкий антисоциальный элемент. И ещё старшеклассников – их тоже убрали подальше. Наверное, опасались, что мы будем мешать дорогим гостям. Будем вести себя недостойно и опозорим высокое звание советского подростка. Например, начнём выпрашивать у иностранцев жвачку.

СССР мог запустить человека в космос. Но не мог наладить выпуск джинсов и жевательной резинки. Более того, эти невинные вещи считались опасной идеологической диверсией, символом ненавистной (и вожаденной) западной роскоши.

Да, нам хотелось носить джинсы, эти синие штаны с двойной строчкой: одежда простых американских работяг была красивее и удобнее того, что шили здесь. Хотелось красивых игрушек. Например, маленьких фигурок ковбоев, спецназовцев, рыцарей. Советская промышленность умела выпускать только оловянных солдатиков, у которых не было даже лиц. А у пластмассовых американских героев были лица, а

в руках – маленькие пистолетики, и они были классные. Ещё – кассет и пластинок с западной музыкой. И прочей разной мелочёвки – лёгкой, разноцветной, которой в чугунно-сером СССР не существовало. Даже этой несчастной жвачки.

Чтобы было понятно, как же советским людям хотелось попробовать жвачку, небольшая история. В марте семидесят пятого в Сокольниках проходил товарищеский матч по хоккею среди юниоров. Играли ЦСКА и какие-то канадцы. Канадцев спонсировала фирма Wrigley, производящая дешёвую жевательную резинку. По условиям контракта каждый хоккеист получил коробку с пятнадцатью кило жвачки, которую должен был раздать бесплатно. И когда они стали её раздавать, началась дикая давка, в которой погиб двадцать один человек. В основном, подростки: тринадцати жертвам не исполнилось шестнадцати лет. Ещё двадцать пять человек получили увечья. Не знаю, как они после этого относились к жвачке Wrigley. А вот как после этого относиться к СССР?¹

Но тогда мы такими вопросами не задавались. Мы просто сидели на крыше, смотрели на строящиеся дома и болтали о том, хорошо ли быть спортсменом.

– Лёшка, – убеждал меня Саня Дорофеев, – ты же лыжник! Ты же лучший по лыжам! Займись спортом! Представь: пьедестал, медаль. Играют гимн страны.

---

¹ Прошло почти сорок лет, а мы и сейчас частенько пытаемся делить поведенческие нормы и вещи на «наши» и «загнивающего Запада». Советская идеология засела в нас накрепко.

– И девчонки глаза лупят, – подхватил Вова Капранов. – Да фигня этот спорт! Слушайте сюда. Батяня матери рассказывал, ну я подслушал... только это между нами, ясно?

Мы подвинулись поближе. Вовка был генеральский сын, так что ссылка на батю звучала убедительно.

– Есть такая специальная группа, – шёпотом заговорил Вовка. – Там самые сильные мужики со всей страны. Они лучше всех дерутся. Стреляют без промаха. Вообще всё могут². Но они очень секретные. Про их работу даже родители не знают. И жёны. Все думают, что они... ну где-нибудь там штаны просиживают. А они этой зимой захватили дворец в Афганистане. Точнее крепость. Представляете, крепость! И каждому из них за это дали Героя Советского Союза. Представляете? Живёшь, и никто вокруг не знает, что ты герой!

Я почему-то сразу поверил, что это правда. Есть такая секретная группа.

И тогда мне больше джинсов, больше импортных пластинок, даже больше чем восхищённых девичьих взглядов захотелось увидеть этих людей. А ещё больше – стать таким, как они. Самым сильным мужиком, который стреляет без промаха и может захватить крепость.

Если бы мне тогда кто-нибудь шепнул на ухо, что я буду

---

² Кстати, недавно мой знакомый на полном серьёзе рассказывал, что знает, как в спецназе бойцов учат покидать физическое тело и выполнять боевые задания в любой точке планеты. Люди всегда верили в сказки.

служить вместе с теми – и под командованием тех, кто штурмовал дворец Амина...

А знаете, я бы поверил. Мне было пятнадцать лет, и я был готов поверить во что угодно.

1985, осень. Орёл. Орловское высшее военное командное училище связи КГБ имени М. И. Калинина

– Курсант Филатов, срочно вылетаете на секретное задание! Можете не вернуться! – заорал Лёша, вскочив на стул посреди столовой во время обеда.

Я тоже вскочил, отдал честь, и ответил, чеканя слова:

– Так точно! К вылету готов!

Дежурный прикрикнул на нас. Мы сели. Лёха торжествуяще ухмыльнулся. Я тоже. Мы оба знали: нам выпал счастливый билет.

Я закончил школу в 1982 году. У меня не было особых проблем с учёбой – и, что важнее, с поведением. Не потому, что я был пай-мальчик. Но мне везло. Например, однажды меня с друзьями в кафе, где мы выпивали, задержал комсомольский патруль. К счастью для меня, с нами увязался тот самый генеральский сынок. Его папа и замял дело в милиции – причём не только в отношении сына, но и меня тоже. Мы жили в одном военном городке, так что милиция была местная, генерал смог договориться. Другим повезло меньше. Они попали на учёт в детскую комнату милиции. Что в советское время означало: шансов на хорошее место учёбы у человека больше нет.

Через полгода я с примерным поведением в аттестате уехал поступать в военное училище. И уже окончив его, узнал – на побывке дома, – что один из моих тогдашних приятелей в тюрьме, а второй в могиле. Нанюхавшись какой-то дури, он выбросился из окна девятого этажа маминой квартиры, где мы часто собирались... Не отмажь в той истории в кафе папа-генерал своего сынка и меня заодно, не видать мне военного училища как своих ушей.

Но это я узнал потом. В тот момент, удачно поступив, я налёг на учёбу и спорт. Я был уверен, что у меня отличные перспективы, иначе и быть не может.

А потом в училище пришли люди из Группы «А», чтобы отобрать для себя лучших.

Я сразу понял: да, это они. Те самые сверхлюди, о которых когда-то рассказывал Вовка, генеральский сын. Секретные герои Афгана, лучшие из лучших.

Я не стал скрытничать и рассказал всё, что знал о подразделении. И хотя знал я немного, всем захотелось попытать счастья и попасть в элиту элит.

Накануне дня отбора мы с Лёшей Ивановым – моим ближайшим другом в училище – не могли заснуть. Уже под утро, с вымотанными нервами, мы всё-таки забылись сном.

Отбор был жёстким: двадцать километров кросса, сто отжиманий, спарринги по рукопашке. Прошли двое – я и Лёшка. Нам очень хотелось, и мы сумели выложиться.

Мы были абсолютно уверены, что нас возьмут. Не мог-

ли не взять. Мы были единственные, кто показал класс. Мы ждали, когда нам оформят документы.

И дождались. Однажды обоих выдернули с занятий к командиру батальона, который спокойно сказал:

– Иванов и Филатов. Насчёт зачисления в Группу «А» – отбой. Приказ руководства. Свободны.

Я заплакал. Впервые во взрослой жизни.

Самым унижительным было то, что нам ничего не объяснили. Мы не знали, чем провинились, за что нас завернули. Спросить было не у кого. Впрочем, в военном училище задавать вопросы не принято. Приказ начальника – закон для подчинённого, и это всё, что подчинённому нужно знать.

Довольно скоро к нам приехал отец Лёши. Он и объяснил, в чём дело. Оказывается, Лёшину мать, чиновницу из Минторга, уволили за подозрение во взяточничестве. Тогда как раз начались знаменитые «перестроечные чистки» 1985-го.

Не знаю, виновата ли была мать Алексея, или её просто сделали крайней. Советская власть, стремительно дряхлеющая, в последний раз показала зубы. Она была уже не та, что прежде, но нам хватило. Лёшу, как неблагонадёжного, решили держать подальше от секретного подразделения. А заодно и меня, как его лучшего друга.

Так что по окончании училища вместо «Альфы» меня определили в связь и закатали под землю.

Нет, не на два метра вглубь. На триста.

1989, зима. Чехов. Заглублённый командный пункт Управления стратегических войск

Теперь я живу без солнца.

Служба начинается в шесть утра. Начинается она со спуска. Это долго и скучно. Подъём будет уже затемно. Я успею вернуться домой на электричке. Дома всегда хватает дел. А мне ещё предстоит где-то набраться терпения на следующий день, который ничем не будет отличаться от предыдущего. И следующий – тоже. Здесь ничего не меняется. Да и не должно.

Наш подземный город занимает несколько тысяч квадратных метров. Сотни комнат, километры коридоров, стратегический запас еды и воды на несколько лет. Всё – на случай ядерной войны. Однако война не начиналась. Бомбы не взрывались. Люди просиживали под землёй целую жизнь.

Я сижу на старом, вытертом до плечи, стуле. Я полирую его уже четыре года. Это время прошло в душной комнате со стенами из противопожарных панелей и с десятками мониторов ЭВМ.

Моя задача – следить за технической исправностью оборудования. Для этого мне не нужны спортивные разряды. Не нужна физика, математика и прочие науки. Откровенно го-

вора, мне почти ничего не нужно. Немного специальных знаний и очень много терпения.

Нет, я не страдаю от одиночества. Я не один. Мы делим комнатку с Иваном Петровичем Рожковым. Ему остался год до пенсии, что было его преимуществом. Кроме того, у него имелась машина. «Копейка»-развалюха, купленная ещё в семидесятые. Он по-своему любил её, обихаживал и чинил. Однако прекрасно понимал, где он и что с ним. Он говорил об этом прямо:

– Стоило учиться, мечтать, чтобы потом сводить концы с концами? Ездить на консервной банке и сидеть тут, как крот?

Иногда он выражал ту же мысль поэтичнее:

– Я как мой тарантас: оба старые и катимся по дороге жизни, никуда не сворачивая. Медленно и со скрипом.

Это была правда. Петрович уже был не на пике формы. Волосы его поредели, зубы сгнили. Единственной радостью оставался просмотр футбола по вечерам. Он заполнял время пересказом матчей и похохатывал над ошибками футболистов, не стесняясь развалин во рту.

Впрочем, ко мне он относился по-дружески. И пытался учить жизни.

– Ты-то что сидишь? – твердил мне Петрович – Ладно я, мне год до пенсии. А ты так и собираешься просидеть всю жизнь в этом подzemелье? Лучшие годы своей жизни?.. Выращивая язву и теряя зрение?

Я молчу. Сказать мне нечего. Особенно после того, что я узнал, когда попытался прорваться в «Альфу» второй раз.

Да, мне выпал ещё один шанс. Жена устроилась медсестрой в поликлинику КГБ, где случайно услышала, что набирают бойцов в элитное подразделение.

– Может, попробуешь? – предложила она.

Я сразу понял, что речь идёт о Группе «А». Так я предпринял вторую попытку. Легко сдал все нормативы и явился на финальное собеседование.

– Как вас допустили к сдаче нормативов? – удивился председатель мандатной комиссии. – Вы же на подписке о невыезде! Как сотрудник, работающий с совсекретной информацией.

И отрезал:

– Невыездной. При всех ваших отличных данных вы нам неинтересны. Примите как данность.

Тогда я не знал, что сотрудники Группы уже всю работу по всему миру. Именно они обменивали в Цюрихе диссидента Буковского на чилийского коммуниста Луиса Корвалана³. Они же обеспечивали безопасность при обмене советских разведчиков, схваченных американцами, на пятирёх советских политзаключённых – это было в Нью-Йорке. В Гаване, на Кубе, «альфовцы» вместе с боевыми пловцами Черноморского флота обеспечивали безопасность под-

---

³ Строчка «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана...» стала началом популярной народной частушки.

водной части пассажирских лайнеров, зафрахтованных для делегатов Всемирного фестиваля молодёжи и студентов. И, конечно, Афганистан. Обкатка в боевых условиях для каждого «альфовца» была обязательной.

Ничего этого я не знал. Но принял свой приговор как данность.

На следующий день я рассказал о нём Ивану Петровичу. Он покивал головой и опять завёл свой бесконечный монолог про плешивый стул.

А я, возвращаясь из-под земли, продолжал тренироваться. Тягал железо, бегал по лесу – босиком, кеды всё-таки развалились – и держал форму.

1991, зима. Москва – Чехов – Москва

Группа «А» была создана по личному приказу Андропова № 0089/ОВ⁴ от 29 июля 1974 года. Приказ был сверхсекретным и написан от руки.

Подразделение часто называли «Группой Андропова». Многие думают, что «А» – это первая буква фамилии Юрия Владимировича. Может быть. В любом случае Группа – лучшее, что он создал.

У американцев и англичан антитеррористические группы появились ещё в сороковые-пятидесятые годы. Британская САС – «специальная авиадесантная служба» – была создана ещё в 1947 году. Американские «зелёные береты» – в 1952. Остальные западные страны также стали обзаводиться чем-то подобным.

Это неудивительно. Запад понимал силу террора. Многочисленные свободы – такие как возможность пересекать границы, приобретать оружие, общаться с прессой и тому подобное – облегчали проведение терактов. Можно было приехать в США, разжиться автоматами и взрывчаткой, захватить заложников и потребовать, скажем, выпуска из тюрьмы нескольких особо опасных «соратников по борьбе». Потребовать через прессу, чтобы американское правительство не

---

⁴ ОВ – «особой важности», высшая степень секретности в советской документальной системе.

смогло замолчать требования. И потом раздавать интервью о своей борьбе с империализмом.

Советское руководство смотрело на всё это свысока. СССР был устроен как осаждённая крепость. Границы на семи замках. Оружие недоступно. Средства массовой информации не могут сказать и слова без разрешения властей. Недовольных мало, и за каждым из них следят. Казалось, всё под контролем.

Андропов думал иначе. Во-первых, он понимал, что за всеми не уследишь. Во-вторых, ему было хорошо известно, сколько людей мечтают покинуть осаждённую крепость. Рано или поздно кому-то придёт в голову, что если советская власть не понимает по-хорошему, можно поговорить с ней и по-плохому. Тем более, такие попытки уже были, в том числе и успешные.

Пятнадцатого октября 1970 года отец и сын Бразинскасы угнали в Турцию советский гражданский самолёт Ан-24 с сорока шестью пассажирами на борту, убив бортпроводницу и тяжело ранив трёх членов экипажа. Турецкие власти Москве их не выдали. Можно было ожидать, что кто-нибудь захочет повторить историю их успеха.

Последним предупреждением стал теракт на мюнхенской Олимпиаде 1972 года, когда палестинцы из «Чёрного сентября» атаковали Олимпийскую деревню и взяли в заложники израильских спортсменов. Немцы, желая создать впечатление мирной и дружелюбной страны, пренебрегли требова-

ниями безопасности. Террористам удалось захватить одиннадцать человек. Их пытались освободить полицейские. Выяснилось, что полиция не умеет работать с террористами. Заложники погибли – четыре тренера, двое судей и пятеро спортсменов.

Немцы сделали правильные выводы. Через два месяца после теракта они создали антитеррористическое подразделение GSG 9. В этом им помогли английские коллеги из SAS – предусмотрительные англичане имели антитеррористическую службу ещё со времён войны. Другие страны последовали примеру Германии и стали создавать свои структуры. Советские руководители задумались.

Третьего июля 1973 года четверо, вооружённые охотничьими ружьями, захватили рейсовый самолёт Як-40, летевший из Москвы в Брянск. Они потребовали вылета за рубеж. Террористы были неопытными, так что их удалось взять без жертв, а само происшествие замолчать. Но необходимость иметь свою антитеррористическую группу стала абсолютно очевидной.

Как должна работать такая группа, никто не знал. Не было возможности и воспользоваться чужим опытом. Англичане и американцы не стали бы помогать главному противнику. Кое-чему научили ребята из «братских стран»; например, рукопашку преподавали кубинцы. Но в целом приходилось действовать по обстановке и набирать опыт самим.

Первой базой подразделения стал спортзал на Новосло-

бодской. Потом «Альфу» приписали к «семёрке»⁵, у которой была своя инфраструктура.

Впервые Группу «А» задействовали в 1976 году в Цюрихе: там обменивали советского диссидента Буковского на генсека запрещённой чилийской компартии Луиса Корвалана. «Альфа» обеспечивала безопасность. Тем же группа занималась на Кубе в 1978 году, когда там проходил молодёжный фестиваль и советские товарищи опасались провокаций.

Тем временем терроризм добрался и до Москвы. Двадцать восьмого марта 1979 года преступник проник в посольство США. Угрожая бомбой, он требовал самолёт для вылета за рубеж. «Альфовцам» повезло: несмотря на то, что террорист всё-таки взорвал бомбу, она убила только его самого.

Потом начался Афган. Самая известная операция «Альфы» – штурм дворца Амина. Но этим её работа не ограничивалась. Так, «альфовцы» обеспечивали безопасность первых лиц афганского государства.

К Олимпиаде численность сотрудников увеличили. База «Альфы» переместилась в Олсуфьевский переулок. Здание и территория были скромными, условия – спартанскими. Здесь «Альфа» квартировала следующие двадцать лет.

В 1981-м СССР познакомился с «самолётным» террориз-

---

⁵ «Семёрка» – Седьмое управление КГБ СССР. Специализация – оперативно-поисковая деятельность (наружное наблюдение и т. п.), охрана дипкорпуса и ряд других задач.

мом. Началось всё с сарапульского инцидента: два вооружённых дезертира захватили в заложники школьников и потребовали вывезти их за рубеж. Потом были Тбилиси, Уфа, Баку, Саратов... Одновременно с этим «Альфа» работала по захвату шпионов, обезвреживанию особо опасных преступников, решала множество других задач.

Общественность узнала про «Альфу» после того, как её впервые предали. Совершил это не кто иной, как первый и последний президент СССР, бывший Генеральный Секретарь ЦК КПСС, экс-председатель Верховного Совета СССР Михаил Сергеевич Горбачёв.

К тому времени СССР уже дышал на ладан. Первой от него отделилась Литва. Горбачёв произнёс несколько длиннейших речей и попытался действовать мягко.

Литве объявили энергетическую блокаду: перестали поставлять бензин. Литва почему-то не приползла на коленях обратно. Ей даже не стало сильно хуже. Остальные республики, видя, что литовцам всё сошло с рук, стали готовиться к независимости.

Тогда Горбачёв решил, что нужно что-то делать. Воспользовавшись повышением цен и недовольством населения – надо заметить, весьма умеренным, – Горбачёв заявил, что трудящиеся республики просят навести порядок. И ввёл в Вильнюс войска – в том числе и «Альфу». Её бросили на штурм местного телецентра. Штурм закончился гибелью людей – во всяком случае, так об этом заявили литовские вла-

сти. Разумеется, не было повода не верить «пострадавшей стороне». Набиравшая силу оппозиция и слушать не хотела объяснения союзного центра.

Тем временем секретный отчёт с именами офицеров Группы был слит в центральную прессу. Горбачёв, испугавшись за свой имидж политика «новой формации», заявил, что о действиях сотрудников КГБ СССР ничего не знал и приказов им не отдавал. Вроде как те приехали в Литву и начали операцию по собственной инициативе⁶. Вот тогда-то вся страна и узнала о секретной Группе «А» и о том, как первый президент страны отказался от самых верных её защитников.

Я был офицером КГБ и не понимал, что происходит. И как это вообще может происходить. Предательство руководства, слив секретной информации – всё это не укладывалось у меня в голове. С другой стороны, я всё-таки мечтал попасть в подразделение, и не мог не воспользоваться возможностью хоть что-то узнать о нём. Я охотился за газетами, которые писали об «Альфе». Кстати, само это имя было придумано газетчиками: «Альфа» звучало красивее, чем просто «А».

Тем временем наше материальное положение ухудшалось. Казалось, в стране исчезло вообще всё. В магазинах оставались только перец и лавровый лист. Потом исчезли и они. Когда же в магазинах стали продавать полки, стало понятно:

---

⁶ Впоследствии этот простой трюк использовали неоднократно. И в постсоветское время тоже. К сожалению, народ достоин своих правителей.

надо искать пропитание помимо работы.

Однажды субботним вечером я притащил с друзьями домой груды деталей со швейной фабрики. Из них мы сумели собрать швейную машинку, и я довольно быстро её освоил. Днём я сидел под землёй, а ночью шил из джинсовки комбинезон и кепку сыну. И у меня здорово получилось. Когда сын натянул на себя обновку, жена была страшно довольна. Я понял, что могу хотя бы обшивать семью.

Возможно, я смог бы стать хорошим портным. Но судьба поторопилась выдать мне ещё один билет.

Восьмого декабря я, как обычно, спустился вниз, сел на стул и занялся тем же, чем занимался все эти годы. Тут в комнату вбежал – нет, ворвался – Петрович.

– СССР больше нет! – закричал он с порога и рассказал о Беловежских соглашениях.

Наверное, я должен был быть потрясён. Но у меня не хватило времени даже собраться с мыслями, потому что Рожков тут же ошарашил снова:

– Нет страны – нет и обязательств! Теперь твоя подписка о невыезде – филькина грамота! Сечёшь?

Я просёк. И молча кивнул.

– Вали отсюда, – распорядился Рожков. – Чтобы я тебя здесь больше не видел!

Я послушался Петровича и свалил. Вышел на нужных людей, сдал в очередной раз нормативы (у меня с каждым разом это получалось всё лучше и лучше), прошёл всё, что по-

лагается пройти, и был зачислен в ряды.

Тогда я ещё ничего толком не знал.

Алексей Филатов

ЖИТЬ

*Люди рождаются в боли.
Потом привыкают жить.
Жизнь – как чистое поле,
Где жаворонки во ржи.
Где все начинают с разного,
А дальше – как повезёт:
Кому-то больше прекрасного,
Кому-то – труда и невзгод.
И я, начиная свои пути,
Учился делать шаги,
И мои первые трудности
Меня научили: не лги.
Не лги ни отцу, ни матери
И – важно – не лги себе:
У лжи золотые скатерти,
А правда всегда в борьбе.
Судьбу закаляет правда,
Как сталь закаляет вода.
Себе говорил: «Так надо», —
И прямо я шёл всегда.
Мне силы хватило и воли
Дорогу свою сложить...*

*Люди рождаются в боли.
Потом привыкают жить.*

Савельев

Фото из архива автора

1992. Москва, штаб-квартира группы «А»

– Филатов, к Савельеву подымись! – крикнул оперативный дежурный.

Я только что отслужил свой первый день в Группе «А». Меня ждало ночное дежурство. Бойцы толпились в комнате для сна. Слово «спальня» здесь неуместно: спали по семь человек, сменяясь на посту каждые три часа.

Я об этом не думал. Я сидел и смотрел на то, что мне выдали: два чемодана оружия и огромный мешок средств личной защиты. Я чувствовал себя как мальчишка, получивший огромный пломбир.

А теперь мне зачем-то нужно идти наверх, к Анатолию Николаевичу Савельеву, имевшему в подразделении репутацию монстра. Поднимаясь на третий этаж, я вспоминал всё, что успел услышать о полковнике за этот день.

По словам бойцов, он был абсолютно безжалостен. К себе и другим. На полигоне его бойцы стреляли боевыми, а в футбол играли в шестнадцатикилограммовых бронежилетах. Он сам принимал участие в игре – тоже в броне. После футбола вёл людей на силовые тренировки: сотни подтягиваний, полсотни подъёмов штанги, отжимания. Разумеется, в броне и в шлемах.

Однажды на учёбе – брали «дом с заложниками» – он при-

казал новичку выпрыгнуть со второго этажа в броне и с оружием. Парень повредил спину. Других заставлял бросаться под машины, прямо под колёса. На все претензии отвечал: «В бою целее будут».

При этом был не чужд высокой культуре. Иногда он спускался из кабинета в дежурку и читал бойцам поэтов Серебряного века – наизусть. Те поэзию не слишком ценили: им хотелось покемарить на дежурстве... Но все сходились на том, что полковник службу блюдёт. Хотя, конечно, и монстр.

Это я ещё многого не знал об Анатолии Николаевиче. Однако перед дверью его кабинета невольно замедлил шаг. И постучался с опаской. Услышав «войдите», я открыл дверь.

В кабинете было темно: горела только настольная лампа. За столом, обложенный раскрытыми книгами, сидел суровый на вид человек, с лицом как у разведчика из советского кино. Казалось, он не умеет улыбаться.

Рядом со столом на полу лежала гиря. На вид пудовая.

– А, Филатов. З-заходите, – сказал полковник. – Гирю видите?

Я не успел ничего сказать, как он продолжил:

– Б-берите и начинайте отжимать. П-посмотрим, на что вы способны.

Взяв гирю, я понял, что ошибался насчёт веса. В ней было все два пуда. Но делать нечего. Надо было показать себя. И я начал показывать.

После тридцати отжятий я почувствовал, что силы на ис-

ходе. Больше всего я боялся, что гиря сорвётся с кисти и проломит пол. Но Савельев продолжал смотреть на меня спокойно и оценивающе. И я продолжал – уже на принципе.

– П-понятно, – наконец сказал полковник. – С-садитесь.

Я плюхнулся на стул, пытаюсь отдышаться и стараясь не показывать этого. Чтобы отвлечься от горящих лёгких и бухающего сердца, я стал рассматривать книги на столе. На глаза попались маленькие изящные томики Ахматовой и Цветаевой.

Савельев дал мне пару секунд. Потом спросил:

– Филатов, в подразделение зачем п-пришли?

Я взял ещё одну секунду, чтобы вдохнуть-выдохнуть, и ответил:

– Мужчиной родился – мужчиной быть хочу.

– И что такое, по-вашему, быть м-мужчиной?

– Заниматься настоящей мужской работой. Выкладывать-ся на все сто. Прямо идти к цели. Не вилять по жизни.

Савельев усмехнулся.

– Д-допустим. Тогда расскажите, как м-медкомиссию проходили? У вас что-то с давлением. Н-наверное, и сердце тоже не очень? С-скрыли, значит?

Мне поплохело.

Я действительно схитрил. Перед самой медкомиссией я избавился от медицинской карты. Когда служил в Чехове, врачи ставили мне проблемы с давлением. Я знал, что с таким диагнозом в «Альфу» не возьмут, поэтому я забрал в

поликлинике карточку и «потерял» её. А Савельев об этом откуда-то узнал. Наверное, сделал контрольный звонок в поликлинику, и в регистратуре меня вспомнили. Что-нибудь лягнули. И вот теперь я сижу тут и обливаюсь потом.

Да, это было наивно. Потом-то мне объяснили, насколько тщательно проверяют кандидатов. Но тогда я этого не знал. Ясно было одно: врать поздно и бесполезно.

– Да, – сказал я. – Карту медицинскую я уничтожил. В поликлинике сказал, что потерял. Прибор у них дурной. Всё у меня в порядке и с давлением, и с сердцем, товарищ полковник.

Я ждал чего угодно. Но Савельев меня удивил: улыбнулся. – З-знаете, – сказал он, – у меня тоже был т-такой случай. Я проходил медкомиссию в с-семьдесят четвёртом. Я з-заикаюсь. Меня могли не взять. Но у меня есть друг, которого я попросил п-пройти за меня м-медкомиссию. Он п-прошёл. То есть я п-прошёл.

– Вы были так похожи? – удивился я.

– Н-нет. Но это н-не важно. Тут главное – взять ситуацию под свой контроль, – Савельев провёл рукой по столу. Надо зайти и открыть документ прямо на фотографии. Смотреть д-дерзко и уверенно. Тогда никто даже с-сличать не будет. А если п-просто подать паспорт – кто-нибудь п-послушает и взглядом в тебя вцепится... Мозги, Филатов! В нашем деле без них ты п-покойник, – он резко перешёл на «ты».

После этого мы поговорили ещё минут десять, и я ушёл.

Уже относительно спокойный за свою дальнейшую службу.

Нет, я не попал к Савельеву. Мы были в хороших отношениях, я многое узнал и многому научился у него. Но мне не пришлось служить под его началом.

Я до сих пор сожалею об этом.

1991, лето. Москва

Анатолий Николаевич Савельев был из первого состава Группы, из легендарной первой тридцатки.

Тогда никто толком не знал, к чему нужно готовить бойцов. Из сотен кандидатур отобрали тридцать. Ориентировались на три качества: физическую подготовку, интеллект, натренированный на решение практических задач в кратчайшие сроки, и готовность переносить всё что угодно ради выполнения задачи. В крайнем случае – ради этого умереть.

У Савельева всё это было. И особенно – готовность к любым испытаниям. Более того, он стремился к ним.

В Группе я повидал разных людей. Были те, кто просто тянул лямку – ровно, без взбрыков. Были и такие бойцы, которые намеренно не успевали на боевой выезд – чтобы отсидеться, не попасть в самую мясорубку. Всегда можно «есть свой бутерброд» немного дольше обычного. И опоздать в заданное место к определённом времени. Но большинство стремились на передний край. И буквально плакали от злости и обиды, когда на дело шли не они.

Савельев из них был первым. Больше всего на свете он любил лезть в самое пекло – и выходить оттуда победителем. Именно так, в такой последовательности. У него в крови было то, что воспевал поэт-партизан Денис Давыдов: «Я люблю кровавый бой, я рождён для службы царской». Он рвался на

самые опасные операции. Ради этого он мог бросить отпуск, выходной, убежать из дома. Точнее, с дачи – Анатолий Николаевич предпочитал жить за городом. Но если что-то случилось, он говорил домашним, что поехал за продуктами, и ехал на базу. Там, на базе, была его настоящая жизнь.

О его службе в подразделении долгое время не знали даже домашние. С 1974 года и по начало девяностых Савельев каждый день уходил «на работу в НИИ». Мы все тогда работали в каких-нибудь «НИИ». У каждого сотрудника была «легенда»: кто-то трудился на заводе, кто-то на промышленном предприятии. Числились инженерами, проектировщиками, слесарями... В семьях не знали, чем на самом деле занимаются их родные. Это было строгойше запрещено.

Жена Савельева, Наталья Михайловна, догадывалась, что муж её обманывает. Нет, не с другой женщиной. Она знала, что он занят чем-то крайне важным. Но без подробностей.

В 1991 году, когда случился ГКЧП, Савельев тоже сбежал на работу. Даже не потрудившись сочинить что-то убедительное.

Тогда никто не понимал, что происходит и к чему идёт дело. Наталья Михайловна не находила себе места: где муж, что с ним?

В конце концов она позвонила в подразделение, благо знала телефон дежурного, и сказала: «Это жена Савельева. Спросите у него, пожалуйста, ему привезти чистые рубашки?» – «Минуточку, сейчас узнаю».

Дежурный ушёл осведомиться, а Наталья Михайловна положила трубку. На работе, поняла она. Но не в командировке, а в Москве.

– Тебе бы у нас служить, с твоей смекалкой, – уже дома сказал Анатолий Николаевич жене.

Он научился ценить смекалку очень давно. Ещё с первой своей операции. Там, в Афгане.

1979, декабрь. Кабул

Накануне новогодних праздников в кабульском аэропорту приземлился самолёт. На борту находилась спецгруппа КГБ «Гром» – двадцать четыре бойца «Альфы» под командованием замначальника Группы «А» Михаила Михайловича Романова. Среди них был и Савельев.

«Альфовцев» разместили в бараке на окраине города. Он считался казармой, но больше походил на хлев. Без окон, пол засыпан гравием. Холод стоял страшный. Щели в стенах и дверные проёмы бойцы заткнули плащ-палатками. Спать пришлось на полу: мебели не было.

Офицерам сообщили план действий. Большая их часть должна была заняться штурмом дворца Амина. Остальным предстояло захватить генеральный штаб афганской армии, узел связи, здания службы госбезопасности и МВД, радио, телевидение и другие стратегически важные объекты. Вся операция получила кодовое название «Байкал-79». Советские газеты преподносили это как «интернациональную помощь братскому афганскому народу».

Афганистан никогда не был спокойным местом. Из-за своего географического расположения он часто становился объектом «интернациональной помощи». Особенно часто «помогали» англичане – аж три раза. Два раза успешно, а на третий они сильно утомились на фронтах Первой миро-

вой, и это помогло Афганистану в 1919 году обрести независимость. В стране установилась монархия, которая просуществовала до 1973 года, когда в стране случился переворот. Монархия пала, и президент Мухаммед Дауд попытался провести прогрессивные реформы, но в 1978 году был свергнут местными коммунистами из офицерского корпуса. Главой государства стал писатель и журналист Нур Мухаммад Тараки, родившийся в 1917 году, правоверный марксист. Вторым человеком стал Хафизулла Амин, председатель Реввоенсовета. Отношения Тараки с Амином напоминали отношения Ленина с Троцким. Однако в этой игре выиграл Амин-Троцкий, сумевший отстранить Тараки от власти, а потом убить его.

Советские товарищи Амину не доверяли. Он имел репутацию пуштунского националиста, ходили разговоры о его международных связях (в том числе и с ЦРУ – он учился в Америке, где и увлёкся марксизмом). Режим его был крайне непопулярен. В конце концов было принято решение заменить его на надёжного и проверенного товарища Бабрака Кармаля.

Вот эту-то самую замену и должны были осуществить бойцы «Альфы».

Операция по взятию дворца Амина получила название «Штурм-333». Соотношение сил можно было оценить, как один к четырём: на одного штурмующего – четыре бойца из охраны Амина. Бойцы были высокочеловеческие – когда-то, ещё

при Тараки, их готовили наши специалисты, – а сама территория дворца представляла собой укрепрайон с охраняемой крепостью. Рядом с дворцом с каждой стороны были вкопаны танки. В самом дворце, на последнем этаже, находилась казарма национальных гвардейцев. На штурм шли спецгруппа КГБ «Гром», спецгруппа «Зенит»⁷ и «мусульманский»⁸ батальон» при поддержке роты десантников.

Савельева среди них не было. Ему и второму «альфовскому» офицеру, Виктору Блинову, вместе с группой десантников поручили захват штаба афганских ВВС. У обоих это был первый бой.

Естественно, им не спалось. К тому же вокруг было шумно: бойцы храпели, тесно прижавшись друг к другу. В отсыревшем бараке куртки не согревали.

– Во храпят! Вот и д-дед мой так же храпел, – тихо говорил Савельев. – Бабушка что только ни п-придумывала. И свистела, и капустой п-перед сном его к-кормила. Ничего не п-помогало. На утро дед хохотал, говорил: «Ра-адуйтесь, что ночью я не заблеял как к-козёл, после к-капусты».

– Ты с бабкой и дедом жил? – спросил Блинов.

– Д-да, – ответил Савельев.

---

⁷ Тридцать офицеров специального резерва КГБ СССР под командованием Якова Фёдоровича Семёнова.

⁸ Отряд специального назначения ГРУ, сформированный из советских военнослужащих среднеазиатского происхождения для охраны Тараки и выполнения особых задач в Афганистане, под руководством полковника ГРУ Василия Васильевича Колесника.

– А что, матери с отцом нет?

– М-мать есть.

– Ты ей не нужен?

– Мы в-видимся иногда... В общем, завтра надо б-брать б-быстро и решительно, – Савельев предпочёл сменить тему.

– Согласен. Обезвредим охрану первого этажа и быстро на второй, где сидит руководство. У тебя ведь это тоже первый бой?

Наутро Анатолий Николаевич доложил план операции советскому представителю при штабе. Блинов кивал и делал уточнения. Оба гордились тем, как хорошо они всё рассчитали.

Представитель выслушал. Усмехнулся. И сказал, что их план – полная чушь.

– Вы что, фильмов насмотрелись? – спросил он. – Никаких «врываемся». Под видом гражданских служащих, группами по двое, проходим в здание, на оба этажа, и только тогда берём на первом – охрану, на втором – руководство.

Савельев не смутился и не обиделся. Он восхитился. План был прост, изящен и сулил успех без потерь личного состава.

В здании штаба ВВС Афганистана был обычный рабочий день. Играло радио, сновали посетители. С улицы пахло шашлыками – как и во всём Кабуле.

Первые два бойца, в гражданском, вошли в двери штаба. Охрана не отреагировала. Через небольшое время вошли ещё двое. Как по маслу. Так, парами, в здании оказалась вся

группа, на обоих этажах.

– Начали! – рявкнул Савельев в рацию.

Бойцы на первом этаже бросились на внутреннюю охрану и в секунды разоружили её. На втором – ворвались к руководству штаба и взяли под контроль.

– Вперёд! – кричит по рации Савельев второй группе, расположенной неподалёку от здания.

Группа за пару минут разоружила внешнюю охрану. Штаб ВВС был взят. Стояла тишина. Только со стороны дворца Амина были слышны выстрелы.

Савельев выбежал на улицу. Впервые в жизни его накрыла эйфория после успешной операции⁹.

Смеркалось, дул свежий ветер. Со стороны дворца Амина всё стихло. Стрельба переместилась в город.

Анатолий смотрел в тёмное небо. Эйфория немного отошла. Начались мысли о том, как там дела у ребят во дворце Амина. Или, может быть, он вспоминал о жене, с которой даже не удалось проститься: улетали в Афганистан прямо с базы.

Рядом раздался взрыв. Савельев упал на землю и пригнул

---

⁹ Я, в свои пятьдесят с лишним, повидав и успехи, и провалы, могу сказать с абсолютной убеждённостью: это чувство не сравнится ни с чем. Ради этих эмоций мы выбираем работу, полную риска и опасностей. Лишь пройдя через боль, кровь и потери, выйдя победителем, получаешь самые сильные ощущения. А дружба, скреплённая этими эмоциями и лишениями, не имеет аналога. Поэтому многие, прошедшие через настоящую службу, будут помнить это время, как лучшее в жизни.

голову. Снова наступила тишина. Приподнялся, осмотрелся.

Снаряд попал в БМД, которая подтянулась к штабу и стояла у входа. Возле неё лежал солдат. Анатолий Николаевич кинулся к нему. Из штаба выбежали десантники и тоже бросились на помощь.

– Держи голову, голову держи! – кричал Савельев.

Вдвоём с подросевшим бойцом они тащили молодого мальчишку.

– Он мёртвый. Кладём его, – сказал десантник и положил его плечи и голову на землю.

– Подожди, может, выживет, понесли, понесли! – не хотел сдаваться Савельев, держа паренька за ноги.

– Умер. Сердце не бьётся, – сказал боец, склонившись над трупом.

Анатолий Николаевич медленно опустил ноги парня. Покойного накрыли курткой.

Савельев стоял и смотрел на тело. Взгляд упал на книжицу, что валялась рядом.

– Подожди, он что-то обронил, – сказал Савельев.

Нагнулся, поднял. Комсомольский билет. Раскрыл его. Кровь мешала прочитать фамилию солдата.

И только фотография осталась незапачканной. С неё смотрел белокурый мальчик и улыбался.

Первая смерть не забывается. Никогда.

1979, декабрь. Москва

Тридцать первого декабря Анатолия Николаевича Савельева ждали дома к новогоднему столу. Когда раздался звонок, Наталья Михайловна побежала открывать дверь.

Но на пороге квартиры стояли незнакомые люди.

– Здравствуйте. Старший лейтенант Савельев задерживается в командировке, – сказал один из них.

– Что это за командировка такая? К новогодней ночи не вернётся? – нервно спросила жена.

– К новогодней – нет. Вернётся в апреле, наверное, – ответили незнакомцы. – Вам от него письмо.

Писать из Афганистана запрещалось. Но накануне Нового года кто-то согласился отвести в Москву короткую записку. Времени было пять минут, торопились на вылет.

Савельев судорожно начал бегать в поисках клочка бумаги. Но какая там бумага – жили в голых бараках. Вдруг он вспомнил: в сумке есть новая рубашка, которую засунула жена, а значит – есть упаковочная картонка.

И сейчас Наталья Михайловна Савельева держала в руках исписанную мелким почерком картонку, которую принёс незнакомый ей человек за несколько часов до боя курантов.

– Новогодняя открытка... – растерянно сказала она, дочитав послание мужа.

Анатолий Николаевич вернулся в Москву только летом 1980-го, перед самой Олимпиадой. За эту командировку Савельев был награждён первым орденом Красной Звезды.

В течение следующих лет через Афганистан прошёл весь личный состав Группы «А».

1992. Москва, штаб-квартира группы «А»

– Сегодня б-без обеда и п-пораньше. Эта фраза для бойцов Савельева означала, что на этот раз тренировки будут проходить без перерыва на обед. Что касается «пораньше», то оно означало, что распустят раньше. Минут на десять. Или на пять. Такой обмен никак нельзя было назвать равноценным. Но бойцы гордились, что способны выносить такие нагрузки.

Савельев никому и никогда не давал ни малейшей поблажки. В том числе и себе.

Один раз в жизни я было подумал, что Савельев меня пожалел. Но конечно, я ошибался.

Осенью 1995-го мы совершали горный переход в Приэль-брусье. После теракта в Будённовске было решено начать подготовку бойцов по ликвидации главарей бандформирований в горной местности. Отобрали тех, кто проявил себя в Будённовске, и забросили на высоту. Савельев вёл нас как старший.

Мы шли рядом с Анатолием Николаевичем. Увидев меня, купающегося в собственном поту под тяжестью снаряжения и высоты, он внезапно скомандовал:

– Д-дайте мне свой п-пулемёт.

Помимо стандартных тридцати кило боекомплекта, я та-

щил на себе пулемёт Калашникова. Мы их только получили на вооружение. При вылете в Будённовск командир запретил брать тяжёлое оружие. Командира можно было понять: до Будённовска при освобождении заложников мы обходились без пулемётов. Патронов нужного калибра тоже был дефицит¹⁰. Но после повторного запрета брать пулемёт с собой, я упёрся и самовольно притащил его на борт. В результате в Будённовске, где мы попали в настоящую мясорубку, этот пулемёт спас мне жизнь. С тех пор я никак не мог с ним расстаться и везде таскал за собой. Хотя пулемёт, в довесок ко всему остальному, был страшно тяжёлым.

Но всё-таки мне сложно было поверить, что Савельев решил дать мне поблажку.

– Что, Анатолий Николаевич? – переспросил я.

– Д-давай сюда свой п-пулемёт, – повторил он.

Я не ожидал того, что произошло дальше.

– Саша! – скомандовал Савельев ближайшему бойцу. – Быстро бери пулемёт и тащи к-километр.

П-потом отдавай ближнему, тот с-следующему и так далее. Все п-поняли? А то идёте н-налегке.

Но поразило меня не только это. А то, что Савельев нёс пулемёт наряду с остальными. Нёс последним, когда силы у всех были уже на исходе.

---

¹⁰ К этому времени все отечественные воинские формирования перешли на калибр 5,45 мм. И мы с ностальгией вспоминали советские «калаши» 7,62. Когда в отдел пришли два пулемёта, я первым вызвался осваивать «новый старый» ствол.

Прошлое. 1946–1971

Есть такое английское выражение – self-made man. Человек, который сделал себя сам. Обычно так говорят о тех, кто достиг успеха без посторонней помощи. И часто под успехом понимается самое простое и понятное – разбогател.

Савельев больших богатств не скопил. Но чего достиг, того достиг сам. Он действительно сам себя сделал.

Его родители расстались вскоре после рождения сына. Отец пропал, а мать быстро завела новую семью. Ребёнок от прошлого брака стал обузой. Мальчика к себе на воспитание забрали бабушка и дед.

Дед умер, когда мальчику было четырнадцать. Тогда он подошёл к бабушке и сказал: «Я воспитаю себя сам». Сказал, как отрезал.

На удивление бабушки Толя начал проводить часы за чтением. В будни он усиленно занимался боксом. По выходным – ходил в театр. Ходил один: мальчишкам со двора это было неинтересно. Мальчишки мечтали стать ворами – это казалось романтичным.

А Толя ходил на спектакли. Садился как можно ближе к сцене и смотрел очень внимательно.

Физический факультет педуниверситета, а потом психологический факультет Высшей школы КГБ развили его аналитические способности, талант психолога и даже театраль-

ные навыки.

Он был прекрасным актёром.

Девяностые. Москва – Грозный

В начале девяностых «Альфу» использовали в спецоперациях по выявлению торговцев оружием, наркоторговцев, бандитов и тому подобной публики. Милиция почему-то перестала с ними справляться. А часто и находила с ними общий язык.

Кстати о языке. Мы учились говорить на фене. Кто-то притащил на базу словарь блатных слов – читался на ура.

Савельев мастерски научился говорить на фене, а ещё – по-бандитски сплёвывать слюну. Мы просили его изобразить пахана, и он, при всей его врождённой интеллигентности, моментально становился отъявленным бандюганом. Мы хохотали, а он, вдохновлённый благодарной публикой, входил в раж.

Как-то перед Новым годом агентурная сеть засекала чеченскую банду. Они искали оружие. По мнению КГБ, для проведения серий терактов с целью провокации столкновений на межнациональной почве. Полковнику Савельеву и Владимиру Луценко поручили выйти на контакт с группировкой. Легенда была простая: они торговцы и готовы продать оружие.

Операция получила название «Капкан».

Савельев и Луценко готовились к спектаклю очень серьёзно: от того, как они сыграют свои роли, зависела их жизнь.

Готовились тщательно: отработывали блатные жесты, говорили на фене, тренировали характерную бандитскую улыбочку. Даже ходить стали вразвалочку.

Анатолий Николаевич полушутя-полувсерьёз предлагал залить волосы гелем.

Как-то утром он пришёл на работу в часах из белого золота. Сразу этого не заметили: подумали, сталь или серебро. Но в подразделении нашёлся один глазастый.

– Анатолий Николаевич, – хитро прищурившись, начал он, – вы, кажется, уже совсем в образ вжились.

– В смысле? – не понял Савельев.

– Я про часы золотые. Сейчас все замашки бандитские переймёте. А на нашу зарплату не разгуляешься. Будет внутренний конфликт.

– Золотые? Это золото? – удивился Анатолий Николаевич. Поднёс руку к лицу, зажмурил один глаз, внимательно разглядывая часы. – По-моему, золото жёлтое...

– Золото разное бывает. И марка очень дорогая.

– Тьфу ты, господи. Зять с дочерью на день рождения подарили. Он у меня богатый. С ума сошли, что ли? – возмутился Савельев.

На следующий день он явился на службу без часов.

– Товарищ полковник, а где же часы? – спрашиваем.

– Часы? А, подарил.

– Подарили?!

– Да встретил вчера старого товарища, а у него юбилей.

Звал отпраздновать, но пришлось извиниться, не мог. А часы подарил. Хороший мужик.

Мы только переглянулись.

Так или иначе, встреча с бандитами прошла на ура. Чеченцев принимал «авторитет» Луценко. Принимал шикарно, как дорогих гостей. Савельев изображал «младшего». Вся красота снималась на семь камер. Я видел эту запись. Савельев и Луценко говорили и вели себя как настоящие уголовники – напористо, развязно, но соблюдая понятия. На чеченцев приём тоже произвёл впечатление, так что хозяева получили встречное приглашение – в Грозный, где переговоры должны были продолжиться.

«Альфа» вылетела на Кавказ брать бандитов.

Гостей принимали в богатом грозненском доме. Во время пиршества ворвались бойцы «Алфы». Скрутили всех – в том числе и наших. В интересах дела их отделали наравне с чеченцами и приковали друг к другу наручниками.

– Славно сработано, ребята, – говорит руководитель операции. – Отстёгивайте наших.

Савельев и Луценко крутят головами – где ключи?

– Ключи... Потерял... – мямлит младший сержант.

Мужчины – побитые, помятые, прикованные друг к другу – начали смеяться. Это было и вправду смешно.

Пока искали ключи, побитый Савельев в «браслетах» читал Луценко стихи Цветаевой. Столь же артистично, как пару часов назад ботал по фене.

Это было не единственное приключение такого рода. Мы очень интенсивно работали по группировкам. И Савельев демонстрировал настоящие чудеса.

1988, осень. Нагорный Карабах

Савельева захватили армяне.

Армянские группировки были отлично подготовлены: их бойцы прошли войну. Их командиры были умны, злы и расчётливы. Воевать с ними было сложно. Обмануть – ещё сложнее.

Анатолия Николаевича не было уже больше суток. Шансы на его вызволение из плена таяли. Откровенно говоря, их уже практически не было.

Четверо офицеров сидели за столом в маленьком доме в горном селении и ломали головы, по сотому разу проговаривая одни и те же соображения.

– Может, всё-таки штурмануть? Попробуем?

– Армяне Савельева убьют сразу. Как только поймут, что мы за ним.

– Да. Эти могут. Но делать-то что?

– Может, всё-таки штурмануть? Есть ещё варианты?

– Штурмануть – не вариант. Они его убьют.

– Мы что-то делать будем? Или мы ничего не будем делать?

Внезапно в дверь постучали. Офицеры схватили оружие и заняли позиции по периметру комнаты.

– Я открою, – прошептал один из них.

Он медленно и неслышно подошёл к двери. Открыл засов.

Осторожно, кончиками пальцев толкнул дверь. Через секунду – распахнул настежь.

– Анатолий Николаевич! Вы?!

На пороге стоял Савельев. Он держался одной рукой за дверной косяк и улыбался.

– Что случилось? Почему они вас отпустили? – наперебой восклицали вокруг.

– Я п-провёл с ними в-воспитательную работу, и ребята поняли, что они н-неправы, – ответил тогда Савельев, хитро улыбаясь.

Что было тогда между ними, Анатолий Николаевич так и не рассказал. Он вообще не любил объяснять, как он делает те или иные вещи. Он предпочитал это показывать.

Мы все учились у него. Все.

Я тоже.

Девяностые. Москва, Кунцево

Мы «вели» продавца гранатомётов. Он был мелкой сошкой, нам же нужен был покупатель.

Идиотский газетно-журнальный образ «спецназовца», который умеет разбивать о голову кирпичи, жрать лягушек и за три секунды убивать триста врагов, не имеет никакого отношения к реальности. То есть мы, конечно, умеем использовать насилие. Нас учат стрельбе, взрывному делу и тому подобному. Нас очень хорошо этому учат. Но нас учат и другим вещам.

Я уже говорил, «Альфа» создавалась на основе «семёрки». Седьмое управление КГБ занималось оперативно-поисковой работой – наружное наблюдение, охрана и так далее. В народе – «наружка» или «топтуны». Первый состав «Алфы» был в основном из этой структуры.

В первую очередь нас учили именно этому – следить. Выслеживать, подстерегать. Незаметно следовать за объектом, замечать контакты. Перед захватом преступников мы могли неделями выяснять все их связи и явки. И уже потом – брали. Всех.

Продавец гранатомёта забил место встречи на перроне станции пригородных поездов. Место оказалось пустынным, а точнее – пустым. На огромной платформе было только двое мужчин – я и он. Фоном служила старушка, присевшая на

лавочку, да мама с коляской.

Продавец был внимательным, хитрым. Он смотрел на меня с растущим подозрением. Да, я изображал городского пьянчужку, потягивая пиво из бутылки, но что-то пошло не так. То ли время было раннее для пьяниц, то ли стрелки на брюках не вписывались в образ. Продавец почуял подставу, засуетился, и явно собрался сваливать.

У меня оставалось несколько секунд. И вот тогда – сам от себя такого не ожидал – я подошёл к краю платформы, расстегнул брюки и отлил прямо на рельсы.

Бабулька возмущённо заклохоталась. Я слегка повернул к ней голову и громко рыгнул.

И владелец гранатомёта повёлся. Этот хмырь не мог себе представить, что сотрудник органов может повести себя вот так. Надо было видеть его глаза, когда минут через десять он поймал своей челюстью мой локоть. Потом во время допроса он всё никак не мог перестать удивляться.

Вот это я сделал по-савельевски. Тот умел удивлять. И побеждать.

Но до Анатолия Николаевича мне всё-таки было далеко. Он вживался в любой образ. И никогда не прокалывался. С другими – бывало. До сих пор помню, как на «стрелке» с чеченскими бандитами у моего напарника вырвалось слово «отставить». Тогда я подумал, что нам конец – и уж точно провал операции. Бандиты чудом пропустили это мимо ушей. Но это было чистое везение. А вот Савельев не про-

кальвался в принципе.

Я много думал о том, в чём был его секрет. Пожалуй, в том, что Анатолий Николаевич не просто чувствовал людей. Он им сочувствовал. Всем. В том числе таким, которые, казалось бы, никакого сочувствия вызвать не могут в принципе.

Вы спросите: «И террористам он тоже сочувствовал?» И я отвечу: да. Я это знаю точно.

1988, зима. Северная Осетия, Орджоникидзе

Четыре бандита, вооружённые двустольным обрезом охотничьего ружья, кинжалом и ножом, заманили школьную экскурсию в угнанный ими автобус и объявили их заложниками. Тридцать один ребёнок и учительница оказались в смертельной опасности.

Под сиденьями детей террористы поставили канистры с бензином. Потребовали предоставить самолёт, два миллиона долларов, оружие и наркотики. На размышление властям дали сорок минут, в противном случае обещали расстрелять или сжечь всех заложников. Главарь террористов, Павел Якшиянц, пригрозил, что будет выбрасывать по одному труп ребёнка, если заподозрит неладное.

После передачи требований бандиты погнали автобус, плотно зашторенный занавесками, в аэропорт Минеральных Вод. Туда привезли и родителей маленьких заложников. Время шло, у родителей начинали сдавать нервы. Женщины рыдали и выкрикивали имена своих детей. Отцы вытирали слёзы.

Савельев стоял возле обезумевших родителей. Отец двух дочерей, он очень хорошо понимал, что они чувствуют. И его трясло от ненависти к бандитам. Позже он сказал жене, что в тот момент хотел одного – разорвать подонков голыми

руками.

Переговоры были мучительными и бесполезными. Рисковать жизнью детей никто не хотел. Преступникам предоставили всё, что они требовали, включая самолёт.

«Альфа» была готова к штурму. Но приказ не отдали. Самолёт решено было выпустить. Савельев грыз локти.

Пунктом назначения бандиты выбрали Израиль – страну, с которой у нас не было дипотношений. Они покинули СССР и приземлились возле Тель-Авива.

Советская сторона к тому времени связалась с Израилем. Израильтяне знали, что такое терроризм. Они согласились выдать бандитов, с единственным условием, что тех не расстреляют. Не потому, что их было кому-то жаль: законы Израиля смертную казнь не предусматривали. Советская сторона с этим согласилась.

Через три месяца состоялся суд.

Савельев присутствовал на последнем заседании, когда зачитывали приговор. Он внимательно разглядывал террористов. Ничего злодейского в них не было. Это были обычные мужики с обычными лицами, люди из толпы.

Началось оглашение приговоров. Первый – лидеру, Павлу Якшиянцу. Анатолий Николаевич знал, что именно он – вдохновитель группы, который до последнего не хотел отпускать перепуганных и измотанных детей. Что он наркоман и преступник, с тремя ходками в прошлом.

– Павел Якшиянц признан виновным и приговаривается

к пятнадцати годам лишения свободы, — прочёл судья.

Яшкиянц, услышав приговор, вскрикнул и закрыл лицо руками.

Савельев в этот момент смотрел на него очень внимательно — так, как смотрел когда-то на театральных актёров в ключевых сценах. Но это был не театр. Всё происходило на самом деле.

Потом полковник признался жене, что в этот момент ему стало по-настоящему жаль Яшкиянца. Как сказал он сам, «сильно, до боли в груди». Он видел неглупого, небесталанного человека, который так скверно распорядился собственной жизнью.

Тогда он ещё не знал, что через два года Яшкиянц, отправленный в златоустскую тюрьму, попытается устроить массовый побег. Попытка окажется неудачной, зато к сроку прибавится ещё пятнадцать лет. В 2005 году ему всё-таки сократили срок, и он вышел на свободу — доживать, что осталось.

Сейчас я понимаю Савельева. Я участвовал в разных спецоперациях, и уже потом, размышляя о тех событиях, могу сказать: никто не рождается террористом. Люди прибегают к террору по самым разным причинам, поскольку запугивание и угрозы могут показаться простым решением всех проблем.

И никогда нельзя знать заранее, кто соблазнится таким решением. Не обязательно это бывший военный или профессиональный уголовник. Это может быть совершенно безобидный на первый взгляд человек.

Например, больной на голову пенсионер.

1997, зима. Москва, аэропорт Шереметьево

Самое обычное ЧП. Насколько ЧП может быть обычным.

Самолёт Ил-62М, следующий по маршруту Магадан-Москва, шёл на посадку, когда пилоты сообщили: на борту террорист. Он требует десять миллионов долларов, до-заправку и перелёт в Швейцарию. В противном случае обещает взорвать заложников.

В самолёте находились 142 пассажира и 13 членов экипажа, всего 155 человек.

Действия властей были штатными. По тревоге подняли Антитеррористический центр ФСБ, «Альфу», милицию, спасателей МЧС, пожарных и около десятка бригад «Скорой помощи». Министерство иностранных дел уведомило об инциденте посольство Швейцарии в Москве. Сотрудники посольства подтвердили готовность оказать любую помощь в выдаче виз и разрешении пролёта самолёта в Швейцарию.

Бойцы Группы «А» во главе с Александром Ивановичем Мирошниченко, первым заместителем начальника Группы, экстренно выехали в аэропорт.

Поначалу все думали, что террористов на борту от четырёх до шести человек. Именно такую информацию специальным кодом передал командир лайнера Владимир Бутков, поскольку прямые разговоры контролировались нахо-

дившимся в кабине «воздушным пиратом».

К тому времени в «Альфе» уже был накоплен огромный опыт разрешения таких ситуаций. Освобождение самолёта стало типовой задачей по плану «Набат», принятому в 1982 году. Разумеется, все конкретные решения, касающиеся деталей операции, принимаются непосредственно на месте, исходя из особенностей каждого теракта. Бывает, приходится применять нестандартные приёмы. Преступники имеют отвратительную привычку усложнять условия штурма. А времени на размышления обычно мало. Иногда – всего несколько минут.

Но здесь сюрпризов не ожидалось.

Как только Ил-62 приземлился в Шереметьево, его сопровождали на рулѐжную площадку № 1 НИИ гражданской авиации – подальше от регулярных рейсов. Поначалу пассажиры сохраняли спокойствие. Каждый продолжал находиться на своём месте и был пристегнут ремнѐм безопасности.

Мирошниченко запросил разговор с террористом. Тот выдвинул условия: «Десять миллионов долларов и перелѐт в Швейцарию. Иначе убью всех пассажиров».

Прошло полчаса. Люди в салоне нервничали. Наблюдатели докладывали: через иллюминаторы видно, что женщины вытирают глаза платками, зажимают рты руками. В оперативном штабе, расположившемся в помещении аэропорта, приняли решение: в самолѐт отправится командир оперативного-боевого отдела Александр Алѐшин с задачей выяснить,

сколько террористов на борту, какова обстановка и что можно сделать.

Высокий, красивый, в куртке авиамеханика, Алёшин направился к машине-трапу.

В такой ситуации можно действовать только под прикрытием. У террориста не должно возникнуть сомнений, что перед ним – обычный инженер аэропорта.

Машина-трап должна была доставить Алёшина к самолёту. Под видом спеца, обслуживающего лайнер, он должен был вступить в контакт с террористом. Но как? Ведь «механик» будет находиться снаружи, а террорист и полторы сотни заложников заперты внутри. Легального повода проникнуть внутрь у него не было.

– Что происходит? – вдруг воскликнул руководитель оперативного штаба.

К Алёшину подбежал какой-то человек – крепкий, приземистый.

– Это же Савельев! Почему сам пошёл? – удивился Мирошниченко.

Полковник тем временем размахисто хлопнул Алёшина по плечу и махнул рукой: «Залезай в машину».

– Ну кто его просил! – воскликнул Мирошниченко. – По-неслась...

– Слышишь, друг, сейчас п-подъезжаем, и ты как можно дольше стыкуйся с самолётом, п-понял меня? Как можно дольше, – говорил тем временем Савельев водителю маши-

ны-трапа. – Саня, г-готов?

Алёшин кивнул и улыбнулся.

Машина начала стыковку. Они увидели заплаканные лица женщин и напряжённые мужчин-заложников.

Перепуганные люди смотрели на них из иллюминаторов.

Вдруг Савельев спрыгнул из машины, подбежал к самолёту и закричал:

– Товарищи пассажиры, трап п-подан. Покиньте с-самолёт, не з-задерживайте работу аэродрома!

Так делать было нельзя. Последствия могли быть непредсказуемыми.

Но это сработало. Террорист вдруг дал стюардессам команду открыть дверь и выпускать пассажиров.

Напуганные пассажиры выходили один за другим. «Дайте мне знак, когда появится террорист, кашляните», – незаметно шепнул Савельев мужчине, удержав его за локоть. Тот кивнул.

Пассажиры спускались по трапу, вышел последний, а знака так и не было. Оставались внутри и члены экипажа. «Внутри засел, гад», – шепнул Алёшин.

Пассажиров пригласили в подошедший автобус. После того, как автобус уехал, Савельев скомандовал: «Пошли. Действуем согласно плану».

Алёшин и Савельев ступили на борт. Пилотская кабина была пуста. Они вышли в коридор. Перед ними, через семь рядов, на пассажирских креслах сидели пилоты и стюардес-

сы, в проходе за ними стоял старик с оплывшим лицом. В руках он держал пластиковый пакет. Из-под пальто в пакет тянулся провод.

– Почему с-сидите? – спокойно и удивлённо произнёс Савельев, обращаясь к членам экипажа, словно не замечая старика.

Пилоты молчали. Напуганные стюардессы повели глазами, указывая на стоящего за ними.

– Мужик, а ты что встал? Самолёт сейчас убирать будут, бригада уже приехала, выходи, – развязно проговорил Алёшин.

Старик вдруг послушно пошёл. Прошёл коридор самолёта. Свернул к выходу. Савельев и Алёшин подхватили его сзади.

– У меня горячая рука, горячая рука! – закричал старик.

– Что там у т-тебя с рукой? – переспросил Савельев и резким движением распахнул пальто. Увидел провод. Дёрнул.

Провод оборвался.

Ничего не произошло.

– Ну ты и дурак, м-мужик, ну и дурак, – заключил Савельев.

Анатолий Иванович был близок к истине. Террорист оказался психически больным.

Это был пенсионер с Колымы, 1938 года рождения, коренной магаданец. Звали его Геннадий Тодиков. На старости лет у него слегка поехала крыша. Он увлёкся идеей со-

вершить революцию в мировой торговле и долго досаждал магаданским чиновникам своими проектами. Несколько раз его выставляли из приёмной губернатора. В конце концов он решил улететь на Кубу – почему-то через Швейцарию. Бомба, которой он угрожал, говоря, что «это хорошая доза пластитита», была муляжом. Суд определил старика согласно его диагнозу – в психушку.

Но всё это выяснилось потом. А в тот вечер Наталья Михайловна Савельева спокойно смотрела телевизор, вышивая картину – три алых мака. Под торшером было светло, за окном уже темнело. Вот-вот с работы должен был вернуться муж, полковник Савельев, начальник отдела спецподразделения «Альфа». Прошёл час. Наталья Михайловна уже начала дремать в кресле, иголка выскользнула из её рук. И вдруг она вскинула голову:

– Экстренное сообщение. Заложники из самолёта, захваченного террористом в аэропорту Шереметьево, освобождены. Террорист задержан.

Наталья Михайловна негромко вскрикнула. В телевизоре был её муж в форме авиамеханика. Он вёл террориста, крепко схватив его за руки и завернув их назад.

Как раз в этот момент в дверь позвонил Анатолий Николаевич.

– Толя, ну ты-то зачем пошёл? – со слезами на глазах спрашивала его жена, следуя за мужем из прихожей на кухню. – Ты полковник, твоё дело – руководить!

– А, в новостях уже показали? Ч-чёрт бы их побрал. Да понимаешь, ну д-дольше бы объяснял, что д-да как. Сам пошёл и сделал. Д-дилетант там был. Я сразу понял. Надо было ошарашить его. Видишь, я уже дома. Д-давай ужинать.

Потом Савельев рассказывал, что уже на этапе переговоров заметил: Тодиков мямлит, не может чётко отвечать на вопросы. И решил взять его на хапок, напором.

Полковник рискнул и выиграл. В очередной раз.

Никому и в голову не пришло, что этот очередной раз может оказаться его последним выигрышем.

1997, декабрь. Москва, шведское посольство

Девятнадцатого декабря – через десять дней после операции в Шереметьево – у меня в кармане запищал мультитон¹¹.

Я прочёл сообщение: «Захват заложника. Посольство Швеции, Мосфильмовская 60». И тут же набрал базу.

– Приезжать не нужно. Там один террорист и один заложник. Хватит и тех, кто на дежурстве, – ответил дежурный.

Немного позже пришло сообщение: «Террорист на Мосфильмовской захватил Савельева».

Нет, причин для паники я не видел. Было понятно, что Савельев дал себя захватить сознательно. Теперь нужно было ждать, пока он вернётся с добычей.

Всё началось в 18:30. В центре Москвы из здания шведского посольства вышел торговый представитель Швеции Ян-Улоф Нюстрём. Когда он стал открывать свой автомобиль «Вольво», к нему подбежал неизвестный. Угрожая пистолетом, он приказал шведу сесть за руль. Сам сел на зад-

---

¹¹ Мультитон – система экстренного вызова, разработанная и внедрённая в СССР в конце семидесятых. Первые мультитоны принимали только цифры. Каждая цифра для сотрудника Группы означала определённую команду: «Учебная тревога», «Боевая тревога» и т. п. «Альфовцы» носили эти устройства с собой всегда, поскольку команда могла быть отдана в любой момент. К описываемому времени мультитоны были заменены на текстовые пейджеры, но название сохранилось.

нее сиденье. Резким движением перетянул горло заложника ремнём безопасности.

Террорист был мужчиной лет тридцати. Представился Андреем. В дальнейшем выяснилось, что это был некий Сергей Кобяков, уроженец Челябинской области, дважды судимый и находившийся в федеральном розыске.

Это была первая в российской истории спецоперация, провал которой грозил международным скандалом.

В девяностые Россия имела репутацию криминального государства. Убийство шведского дипломата в центре Москвы подтвердило бы: Россия – страна дикая и иметь с ней дело не стоит. Сверху поступила директива: действовать крайне осторожно. Нельзя допустить, чтобы иностранному гражданину был причинён вред.

Группа сотрудников «Альфы» вошла в здание посольства с чёрного хода. Машина со снайперами осталась у входа.

Шло оперативное обсуждение.

– Ситуация следующая, – докладывал начальник боевого отдела. – «Вольво» находится в тридцати метрах от главного входа. Заложник – на месте водителя. Террорист сидит чётко за ним. Шея заложника зафиксирована ремнём безопасности. Подходы к машине со всех сторон свободны.

– Брать штурмом опасно – слишком тесный контакт террориста и заложника, – подхватил руководитель штаба. – Снайперов распределить на крыши по периметру. Необходимо подготовить одежду сотрудника посольства для перегово-

ворщика. Размер пятьдесят. Дальнейшие действия – по моему приказу. Алёшин, на переговоры пойдёшь ты.

Александр Алёшин – тот самый – ушёл переодеваться в синюю куртку и брюки. Наши расположились у окна, из которого прекрасно просматривался автомобиль. Можно было даже разглядеть выражения лиц людей, сидящих в машине. Швед был явно напуган. Террорист крутил головой. Ни страха, ни смятения на его лице не было.

– Смотрите! – вдруг крикнул посольский.

К «Вольво» подбежал мужчина в штатском. Наклонился. Террорист опустил стекло. Мужчина начал жестикулировать, что-то объясняя.

– Савельев! – закричал начальник штаба. – Откуда он здесь?

– Прибыл за полчаса до вас. Показал корочки, – с недоумением ответил глава службы безопасности посольства.

Как потом выяснилось, Савельев оказался рядом с посольством случайно. Девятнадцатого декабря отмечали восьмидесятилетие органов госбезопасности. Вообще-то День чекиста – 20 декабря, но в том году оно пришлось на субботу. Поэтому торжества перенесли на пятницу. Савельев побывал на работе, потом заехал домой и отправился обратно на службу. Когда запищал его мультитон, он был недалеко от Мосфильмовской. Поэтому полковник сразу, не выходя на связь со штабом, побежал к посольству. И успел первым, ещё до приезда руководства ФСБ, которое отправи-

лось на место происшествия прямо с праздничного концерта в зале «Россия». В костюмах и при галстуках.

Алёшин стоял молча, уже переодетый в синее. Его опять опередили.

Тем временем у машины завязался диалог. Его слышал Нюстрём – и это всё, что мы знаем о том, что происходило между Савельевым и террористом.

– П-послушайте, – говорил мужчина, заикаясь, – у этого иностранца жена у-умирает, он н-на сердце жаловался сегодня. З-зачем вам такой? Сердце м-может остановиться. Возьмите м-меня.

– А ты кто такой? – крикнул террорист.

– Я с-сотрудник МИДа. Руководство п-просило меня п-поменяться с ним. Я не хочу, м-мне страшно. Просто с-скажите, что не с-согласны, и я уйду, – промямлил Савельев и опустил глаза.

– Какая ещё жена в больнице? – террорист рванул ремень на шее шведа. В другой руке он держал гранату Ф-1. Рядом лежал пистолет Макарова.

– Да он вам сейчас сам подтвердит, – Савельев повернулся к Нюстрёму и стал говорить «по-шведски». Шведского он не знал, просто произносил бессмысленные слова, напоминающие по звучанию шведский язык.

Нюстрём понял: это сотрудник спецслужб. И испуганно закивал, изображая понимание.

Спектакль получился убедительный. Террорист поверил.

– Ладно. Садись вместо шведа. Только без глупостей, – сказал он.

Он жестом приказал шведу отстегнуть ремень и резким движением вытолкнул его из машины. Савельев быстро занял место водителя и захлопнул дверь.

Террорист моментально перекинул через шею Савельева верёвку, сильно стянул и зафиксировал за подголовником.

Между ними завязался разговор. О чём? Мы этого уже не узнаем: прослушки в машине не было.

Через десять минут террорист подозвал сотрудника посольства и потребовал радиотелефон для переговоров. Он передал требования: три миллиона долларов США и самолёт для вылета в неизвестном направлении.

Время шло. Анатолий Николаевич и террорист сидели в машине уже почти час. Из штаба было видно: они оживлённо беседуют. Но о чём? По губам не прочесть: они сидели неудачно, вполоборота.

Вдруг террорист вышел на связь:

– Принесите бутылку коньяка.

Похоже, Савельев развёл террориста на выпивку. Что он задумал? Напоить и обезвредить? И как ему удалось убедить матёрого бандита принять выпивку со стороны? Впрочем, от Савельева ожидали чего угодно.

Началась суета. Оказалось, в посольстве коньяка нет. За бутылкой отправили молодого офицера. Прошла четверть часа, а он всё не возвращался. Террорист, похоже, начал

нервничать. Он резко двигал плечами, постоянно смотрел в боковые зеркала.

– Ну куда он запропастился? – занервничал уже командир штаба.

В следующую минуту запыхавшийся гонец ворвался в штаб.

– Что так долго? Коньяк найти проблема? Бар напротив!

– В баре сказали, что бутылку не продадут, только на разлив. Пришлось бежать в магазин. А ближайший – в пятнадцати минутах, – оправдывался молодой офицер.

– Интеллигент, твою мать... Не мог бутылку в баре конфисковать, – в сердцах бросил кто-то из штабных.

Наконец коньяк принесли в машину. Террорист отхлебнул. И по связи запросил курева.

Все оживились. Начнёт прикуривать – потеряет бдительность на секунду-две. Вполне достаточно, чтобы его обезвредить. Наверняка это снова Савельев подвёл террориста к мысли закурить – дал нашим хороший шанс. В штабе приняли решение: постараться взять преступника живым.

Алёшин с пачкой сигарет в руках приблизился к машине. Террорист опустил стекло, Алёшин протянул пачку. Тот ловко, одной рукой, взял пачку, вынул сигарету и вставил в зубы. В другой руке он держал гранату. Террорист не сводил с Алёшина глаз и контролировал ситуацию. Алёшин жестом предложил ему зажигалку: надеялся, что тот машинально возьмёт её, положив на мгновение гранату, тогда скрутить

его – дело техники.

Но террорист скомандовал:

– Сам дай прикурить!

Алёшин щёлкнул зажигалкой. Бандит, не выпуская из руки гранату, затаился. Ничего не вышло. Но он успел переглядаться с Савельевым. Вернулся в штаб и доложил: Савельев подал ему знак «всё под контролем».

В штабе поняли: у Савельева есть план. Возможно, он рассчитывает сам справиться с террористом – либо тут, возле посольства, либо по дороге в аэропорт.

Тем временем диалог в машине продолжался. Было заметно, что нервозность террориста растёт. Ровно в полночь Кобяков запросил разговор с начальником штаба по радиотелефону.

– Немедленно выполняйте мои требования, иначе заложник умрёт, – прокричал террорист.

Начальник штаба ответил, что в такое позднее время деньги собрать тяжело, но они делают всё, что могут. Террорист согласился ждать.

Сегодня уже понятно: переговоры не задались с самого начала. Одна из причин – то, что они происходили в машине. Работа в замкнутом пространстве, когда переговорщик в роли заложника наедине с террористом – самая сложная. При захвате заложников в самолёте или автобусе террорист обычно испытывает эмоциональные взлёты и падения. Ему страшно, но и приятно красоваться перед толпой. Он чув-

ствует себя могущественным – и иногда расслабляется, теряет бдительность. А в ситуации один на один красоваться не перед кем, и террорист не расслаблялся ни на секунду.

Через десять минут после разговора со штабом, в 00:10, Савельев вдруг завёл автомобиль. Машина медленно начала движение.

– Всем внимание! – вскочил глава штаба.

Автомобиль прокатился несколько метров и остановился у ворот посольства. Вдруг из машины выбрался связанный верёвкой Савельев и встал у передней левой двери.

– Что происходит? Что он задумал? Снайперы, прицел на террориста, – отдал приказ глава штаба.

Прошло три минуты. Савельев продолжал, не двигаясь, стоять у машины.

– Садись обратно! – вдруг закричал террорист.

Анатолий Николаевич послушно вернулся в автомобиль. Машина начала медленно двигаться к месту, где стояла раньше.

– Что за чертовщина там происходит? Что за выкрутасы? – крикнул начальник штаба.

Прошла минута. Неожиданно в машине началась возня.

– Он душит Савельева! Внимание снайперы, готовность номер один! – скомандовал начальник штаба.

Террорист набросил на шею Анатолия Николаевича верёвочную петлю. Савельев пытался сопротивляться, оттолкнул террориста. Вдруг дверь со стороны пассажира открылась, и

террорист заорал:

– Приведите другого заложника! Замена! Замена!

Савельев сидел в машине и держался за грудь. Ещё мгновение, и он начал складываться пополам. На спектакль это было непохоже.

В штабе уже поняли: Савельев не притворяется. Он смог подать условный знак «плохо с сердцем». И тут же потерял сознание.

Террорист выскочил из машины, открыл дверь и вытолкнул заложника. К нему тут же ринулся врач скорой помощи. Внезапно террорист бросился помогать врачу. Вместе они тащили Савельева к машине скорой помощи.

В этот момент раздался выстрел. Террорист упал. К машине бросилась группа захвата, но преступник поднялся и стал стрелять по бойцам. Те открыли ответный огонь и одновременно второй раз выстрелил снайпер. Чья пуля поставила точку в судьбе Сергея Кобяка, теперь уже неважно. Операция была завершена.

Когда скорая доставила Савельева в больницу № 64, он был ещё жив. В 2:30 ночи врач констатировал смерть от остановки сердца.

Он ушёл из жизни 20 декабря – в свой профессиональный праздник. Ушёл, сделав главное – освободив заложника. Не задумываясь, он поменялся с ним местами. Отдав свою жизнь за его.

1997, декабрь. Подмосковье

Двадцатого декабря, в 5:30 утра в квартире Савельевых раздался звонок в дверь.

Наталья Михайловна не спала. Она вышивала картину – красные маки. Она начала её во время операции в Шереметьево, а теперь заканчивала. Думала о жизни и о том, когда вернётся муж. Смотрела на стену: там висела её любимая картина – коза на солнечном лугу. Она увидела это полотно на Арбате год назад, когда гуляла с мужем солнечным зимним утром. Тогда Наталья Михайловна только-только оправилась от тяжёлой болезни. Картина ей очень понравилась, но Анатолий прошёл мимо. Как выяснилось, у него просто не было с собой денег её купить. Но желание жены он запомнил – и с января по июнь каждое утро перед службой забегал на Старый Арбат, искал пропавшую художницу. Однажды та всё-таки появилась, и картина заняла своё место на стене в доме Савельевых.

Улыбнувшись воспоминанию, Наталья Михайловна пошла открывать.

На пороге стояло всё руководство «Альфы».

Она сразу всё поняла. И уже не слышала, что именно ей говорили.

Впоследствии я много общался с Натальей Михайловной. Она рассказывала, как, оставшись одна, вспоминала преж-

ние ночные звонки в дверь — когда встречала на пороге счастливого мужа.

Весной 1986-го он вернулся из Афганистана. Это была последняя афганская командировка, за которую Толя получил орден Красной Звезды. Он был очень весёлым. Рассказывал, как только что с другими награждёнными сослуживцами обмыли ордена в бане. Обмыли, как полагается: погрузили их в стаканы с водкой и выпили до дна. А когда супруга попросила мужа показать награду, только ахнул: ордена-то они оставили в бане, в тех самых стаканах! Уехал, вернулся с орденом. И долго ещё смеялся: описывал удивление банщиков, выдававших ему боевые награды.

Были и другие ночные возвращения, уже с операций. Уставший, довольный, он обнимал жену, что-то рассказывал. И она радовалась. Но всегда знала: однажды она откроет дверь и там будут люди в форме. Которые скажут ей то, что сказали сейчас.

Она сорвалась всего однажды. Это произошло после Будённовска, где мы, сотрудники «Альфы», были брошены на штурм больницы, её главного корпуса, в котором басаевцы удерживали две тысячи заложников.

Жёнам тогда позвонили и сказали, что «Альфа», дескать, на учениях. Но по телевизору начали целыми днями «крутить» кадры из Будённовска. Вся страна, не отрываясь от экранов телевизора, жила только этим, ожидая развязки. И всем было понятно, кто там, на огневых рубежах.

Как только муж вернулся домой, Наталья Михайловна в отчаянии сказала:

– Или я, или работа. Выбирай!

Савельев тут же скомандовал:

– Пошли со мной.

Он привёз жену в госпиталь, где лежали молодые офицеры, покалеченные под огнём чеченских террористов в Будённовске. Рядом сидели их родители. Савельев подходил к каждому и просил прощения. За то, что не уберёг их сына. За то, что недоучил, раз пуля всё же достала.

– Это полностью моя вина, простите меня, – говорил Анатолий Николаевич.

Они вышли из больницы.

– Прости, – сказала тогда жена Савельева. Она никогда больше не ставила мужа перед выбором: долг или семья.

Теперь пришла пора ей исполнять свой долг. До конца.

Утром того же дня младшая дочь полковника, студентка МГУ, должна была идти на сессию. С матерью вдвоём они молча сидели на кухне. И тут дочь сказала:

– Мама, мне пора собираться на экзамен.

Наталья Михайловна тогда вспыхнула:

– Какой экзамен?! Ты имеешь полное право никуда сегодня не ходить! Я позвоню в университет, ты сдашь его потом.

Но дочка ответила:

– Нет. Папа не одобрил бы такую халаву.

Экзамен она сдала на отлично.

1997, декабрь. Москва

Хоронили Анатолия Николаевича 22 декабря.

К ДК на Лубянке, где проходило прощание, выстроилась огромная очередь, огибавшая главное здание ФСБ. Люди всё шли и шли. Шли, чтобы выразить уважение полковнику Савельеву и Группе «А» в целом. Шли, выражая молчаливый протест против разгула преступности и терроризма.

На Анатолии Николаевиче был парадный мундир. Его сшили за ночь. Оказалось, у полковника парадного мундира не было.

Среди венков и букетов лежал один с жёлто-голубыми лентами. На нём было написано: «Анатолий, я буду вечно благодарен Вам за жизнь». Его положил на могилу торговый представитель посольства Швеции Ян-Улоф Нюстрём, чью жизнь Савельев спас ценой своей.

За операцию у шведского посольства полковник Савельев был удостоен звания Героя России. Посмертно.

* * *

Анатолий Николаевич шёл на опаснейшие операции, не думая о своей безопасности. Даже тогда, когда к прочим факторам риска прибавилось его собственное сердце.

Потом я много раз вспоминал наш первый разговор. Саве-

льев знал, что с давлением у меня не всё в порядке, и мог запросто исключить меня из подразделения. Даже должен был исключить. Но не стал. Не потому ли, что сам скрывал подобный грешок? Он никогда не жаловался на здоровье, но Наталья Михайловна рассказала, что после его смерти нашла в карманах его одежды нитроглицерин. И вспомнила, что Анатолий Николаевич с трудом прошёл последнюю диспансеризацию: врач не хотел подписывать документы – кардиограмма была очень тревожной. Но он настоял, продал авторитетом.

Впоследствии в его сейфе нашли стихи, переписанные от руки. Все они – об усталости, о желании уйти из мирской, земной жизни.

Я их не помню, те его стихи. А вспоминаю всё того же Давыдова: полковник Савельев умер «среди мечей» – умер, уже победив, уже сделав дело, уже спасши чужую жизнь.

Я знаю: он хотел уйти из жизни именно так.

Денис Давыдов **Я ЛЮБЛЮ КРОВАВЫЙ БОЙ**

*Я люблю кровавый бой,
Я рождён для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!*

*За тебя на чёрта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!*

*Станем, братицы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днём – рубиться молодцами,
Вечерком – горелку пить!*

*О, как страшно смерть встречать
На постеле господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать!*

*То ли дело средь мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней!*

*Я люблю кровавый бой,
Я рождён для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!*

Алексей Филатов

НАШ КОМАНДИР

*Посвящается Анатолию Николаевичу
Савельеву – командиру и боевому товарищу*

*Он был лучше и собранней многих из нас,
Он был твёрдым внутри и снаружи не вата,
И в бою нас от пули спасая не раз,
Улыбаясь, журил: «Аккуратней, ребята!»*

*Он был старше, чем мы, и во многом мудрей,
Но в атаках за ним мы едва успевали.
Говорил нам: «За мною, ребята, смелей»,
Когда в первом бою наши нервы сдавали.*

*Он словами впустую играть не любил,
Но когда говорил – было точно и верно.
И заслуг боевых не считал, не дробил,
И не гнался за званьем, за ростом карьерным.*

*Нас учил он своих не бросать, не сдавать,
Оставаясь для всех молчаливым примером,
Не задумавшись, жизнь за людей отдавать,
А иначе зачем тебе быть офицером?*

Наша дружба в бою закалилась огнём,

*И мы помним те годы для нас дорогие.
Соберёмся все вместе и скажем о нём:
Жизнь свою он отдал, чтобы жили другие.*

*Как и прежде, по небу бегут облака,
Как и прежде, заря новый день зажигает,
Твой приказ, командир, слышен издалика,
Мы на службе, как встарь, но тебя не хватает.*

Сергеев

Фото из архива автора

1993, ночь с 3 на 4 октября, 3:15. Москва, Кремль, третий этаж первого корпуса, зал заседаний

За овальным столом никто не сидел.

Вдоль стен стояли стулья, на них расположились командиры силовых структур – около тридцати человек. Все молчали. Говорить было не о чём.

Раздался звук шагов. Барсуков и Коржаков¹² шли в ельцинскую приёмную. Барсуков чуть отстал, на ходу бросил Герасимову¹³:

– Дмитрий Михайлович, президенту доложите вы.

Никто не пошевелился. Ждали Ельцина.

Наконец он появился на пороге. Огромный, страшный, с серым лицом.

Президент Российской Федерации боялся.

Ему было чего бояться. Решалась его судьба. Снова, как в 1991-м. И снова – в Белом доме. Только тогда защитники

---

¹² Михаил Иванович Барсуков – в 1993 году комендант Кремля, начальник Главного управления охраны (ГУО) Российской Федерации. Александр Васильевич Коржаков – на тот момент начальник охраны Ельцина и первый зам Барсукова.

¹³ Дмитрий Михайлович Герасимов – генерал-лейтенант ФСБ, в 1992–1994 годах командовал подразделением специального назначения «Вымпел» (разведывательно-диверсионный спецназ).

Белого дома были за него, а теперь – против.

Он обвёл взглядом зал. В нём сидели люди, отказавшиеся выполнять приказ. Его личный приказ, его решение – взять Белый дом штурмом.

Главным тут было слово «штурм».

Обычно мы получаем такую команду при проведении операции по освобождению заложников. Главная цель которой – сохранение жизни гражданских. Наша цель – не убивать, а обезвредить злодеев. Желательно – руками, в рукопашном бою. Такая задача ставилась до сих пор перед «альфовцами». Частенько на штурм сотрудники шли с пустыми магазинами, чтобы в перестрелке случайно не поранить заложника и не повредить захваченный самолёт.

Но Ельцин вкладывал в это слово совершенно иной смысл. Армейский.

Штурм – это войсковая операция, проводимая согласно уставу и методичкам. В отличие от захвата, штурм не предполагает, что жизни находящихся в здании имеют хоть какую-то ценность. В помещения входят только после броска или закатывания гранаты. Тёмные углы проверяются автоматной очередью. Огонь ведётся только на поражение. Во время штурма допустимо и желательно использование артиллерии, расстреливающей верхние этажи. В ходе штурма погибает не менее семидесяти процентов находящихся в здании людей.

«Альфа» и «Вымпел» умели штурмовать здания. И гото-

вы были выполнить подобный приказ в любое время и в любом месте. Но не здесь и не сейчас. По двум очень весомым причинам.

Первая состояла в том, что зданием был парламент Российской Федерации, а находились в нём депутаты Верховного Совета. Спецназовцев учили: необходимо защищать законную власть и бороться с террористами. Люди в Белом доме террористами не были. Они были законной властью. Не менее законной, чем Борис Николаевич Ельцин и его окружение. Ситуации, когда одна ветвь законной власти воюет с другой ветвью законной власти, присяга и устав не предусматривали.

И вторая причина – приказ был отдан устно. Что это значит, отлично помнил каждый «альфовец». Такой устный приказ отдал в своё время Горбачёв, отправив Группу на штурм литовского телецентра. Потом первый президент СССР публично отказался от тех, кто выполнил его приказ. Что мешало Ельцину сделать то же самое? Или того лучше – повесить кровь и гору трупов на «Альфу» и «Вымпел»? Ничего, кроме совести. Со своей совестью Борис Николаевич умел договариваться. А если не получалось, звал на помощь водку. Все это знали, и иллюзий никто не питал.

Ельцин сказал, что положение в стране критическое, а заседавшие в Белом доме депутаты пытаются совершить переворот. Поэтому не остаётся другого пути, кроме силового. В заключение Ельцин пообещал, что никто не будет подверг-

нут репрессиям.

После этих слов он сделал паузу и спросил:

– Вы *готовы* выполнить приказ президента?

Никто не раскрыл рта.

Ельцин сдвинул брови и прорычал, как раненый хищник:

– Тогда я спрошу вас по-другому: вы *отказываетесь* выполнить приказ президента?

Тишина стала мёртвой.

Ельцин развернулся на каблуках и вышел из зала, бросив командиру «Альфы» Зайцеву:

– Приказ должен быть выполнен.

1993, 3 октября, утро. Москва, Измайлово¹⁴

Лена Сергеева ждала мужа.

Ждать мужа ей приходилось чаще, чем хотелось бы. Гораздо чаще.

Я задавался вопросом: каково приходится нашим жёнам и родным, когда нужно ждать. Ждать, не зная, чем закончится для любимого очередное задание. Мы идём плечом к плечу с боевыми друзьями, чувствуя кураж. Они же переносят все тревоги поодиночке. В полном неведении, что происходит, без малейшей возможности на что-либо повлиять. Им остаётся ждать. Ждать и молиться.

Существует объективная статистика среднего времени службы сотрудника в боевом подразделении: десять-пятнадцать лет – и надо менять работу, уходить в штаб или дежурку. И, как правило, дело не в физической форме. Не выдерживает психика. Так вот, практика показывает, что раньше сдают нервы у жён. Им всё время приходится ждать. Отлично зная, что однажды могут позвонить в дверь и сказать, что её муж погиб.

Но не в этот раз. Слава богу, не в этот раз! Сейчас она

---

¹⁴ Здесь и ниже я использовал личный дневник Елены Сергеевой и её рассказы. Я сердечно благодарен Елене за разрешение на публикацию.

ждала мужа не из командировки, а всего лишь из Измайловского парка. По утрам он тренировался в лесу. У Гены был отпуск, но он держал себя в форме.

– Стоило бы прогуляться в парк всей семьёй, – подумала она. – Погода чудесная: солнце, палая листва шуршит под ногами. И это ничего не стоит. Чтобы пойти в город, нужны деньги. Всё очень дорого. Даже сынишку одеть не на что.

Лена вспомнила, как недавно они ездили в «Детский мир».

– Ты точно уверена, что нужно покупать Сашке эти джинсы? – спрашивал её в третий раз, уже у кассы, муж.

Джинсы – фирменные, с вышитым на них кедом – стоили тысячу. Зарплата Сергеева была десять тысяч, и всё уходило на еду и быт. В заначке, которую офицеру удалось скопить, была как раз тысяча: на магнитофон или телевизор.

– Гена, уверена. Ему ходить не в чем, а так будут джинсы. С разными рубашками он их целый год проносит, – вздохнула Лена.

Она не винила мужа. Гена был совсем не жадным, просто денег было в обрез. Копили на бытовую технику и платформу. Платформа была мечтой Сергеева. В смысле платформа для автомобиля. Купить машину – об этом и мечтать было нельзя. Он планировал собрать машину сам: найти платформу и поставить на неё кузов. Можно будет ездить на дачу.

– Ничего, перекантуемся, – думала Лена. – Им обоим по двадцать девять, вся жизнь впереди. Главное – они вместе.

Она улыбнулась, вспоминая, сколько времени они с Геной знают друг друга. Они познакомились ещё в школе, и ей этот парень понравился сразу. А ему нравились другие. Что ж, бывает. Школа кончилась, пути разошлись. Встретились через семь лет, на встрече выпускников. Гена предложил проводить до дома. А через пару месяцев предложил выйти за него замуж.

Тогда он служил в «Вымпеле». Лена этого не знала, и знать была не должна. Ей было известно только то, что он работает «где-то там». На работе в магазине, когда девочки спрашивали о муже, она гордо отвечала: «Муж служит в органах».

Вскоре родился сын. Гена пропадал на работе, Лена занималась ребёнком. В короткие вечерние часы, когда они были вместе, Лена замечала, что муж заскучал. Она спрашивала его:

– Что происходит? Тебе что, перестала нравиться твоя работа?

Он отвечал, что всё хорошо, но чего-то не хватает. Чего именно, он не говорил. Стоял у окна и молча смотрел вдаль.

Однажды он пришёл в хорошем настроении и сказал:

– Лена, я хочу перевестись в другой отдел. Сегодня сдал психологические тесты. Шестьдесят вопросов.

Лена удивилась, что так много, забеспокоилась.

Геннадий ответил, что вопросы были несложные, и он уверен, что всё получится.

Через пару дней муж сообщил, что принят – без подробностей. И с того самого дня на любой вопрос о работе отвечал:

– Тебе это знать не нужно.

Только однажды, в первые дни на новом месте, он пришёл домой довольный и разложил на столе удостоверения и паспорта. Все с его фотографией, но с разными именами. Ничего не объяснял, просто похвастался. Лена решила, что теперь, наверное, муж служит в каком-то элитном отделе милиции. И только потом, гораздо позже, она узнала, что он работает в боевом подразделении КГБ.

Она не слишком волновалась. Какие опасности могут быть в мирное время? Взрослые мальчики тоже любят играть в войнушку – что в этом плохого? Гена приносил фотки с тренировок: он и сослуживцы в лесу, с голыми торсами и автоматами. Иногда ребята с работы заезжали к ним на обед. Лена в шутку называла их «отряд Марио»: они были похожи на персонажа компьютерной игры, шустрого и в синем комбинезоне. «Копейка», на которой они перемещались, с свистом подлетала к подъезду и из неё как горох высыпали люди – иногда человек шесть. Лена всё никак не могла понять, как это они в неё умещаются...

Наконец раздался звонок. Лена порхнула к двери, открыла мужу, и они пошли собирать ребёнка на прогулку.

1974–1993. СССР – Россия

Самое страшное из всего, что приходилось выносить «альфовцу» в советское время – это лгать родным и близким.

Лгать постоянно, лгать откровенно. Лгать, видя слёзы на глазах любимых женщин и слыша их крик:

– Почему ты мне врёшь?!

Вплоть до начала девяностых раскрывать место работы и боевых командировок категорически запрещалось. Всем, включая домашних – родителей и жён. Они не имели права ничего знать. Таких правил не было ни в одном спецподразделении мира. Но параноидальная советская секретность этого требовала. Тогда секретили всё, что только можно засекретить – даже карты местности выпускались фальшивые. И это при том, что стратегический противник настоящими картами СССР обладал. Информацию прятали от своих же. В секретности видели средство от нелояльности. Распространилась поговорка: «Меньше знаешь – лучше спишь».

Поговорка была неправильной. По крайней мере, по отношению к сотрудникам подразделения и их семьям. Чем меньше знали близкие, тем хуже они спали.

Когда Группа только создавалась, ещё можно было как-то скрывать правду. Говорить, что задержался на работе, отмечал день рождения с коллегами и так далее. Потом на-

чались стажировки. Жёнам говорили, что отправляются на партийный семинар в Ярославскую область. Писать домой было нельзя. Звонить – в принципе, можно, на самом деле нет.

«Партийные семинары» проходили в Керках, маленьком пыльном среднеазиатском городке советской Туркмении. Там дислоцировался 47-й Краснознамённый Керкинский погранотряд Среднеазиатского пограничного округа. Там нас тренировали перед командировками в Афган. Телефон был только в штабе, подходить к нему пограницы не давали: а вдруг будет звонить высокое начальство? Бойцы в конфликты не вступали. Конфликтовать и что-то требовать не было ни времени, ни сил. Возвращались с боевых учений на базу никакие: мылись, отдыхали, приходили в себя – и снова на занятия.

А жёны ждали. Телефон становился центром их маленькой вселенной. Аппараты были тогда только стационарные, поэтому приходилось управляться с проводом и ставить телефон в самое удобное место, чтобы можно было быстро добежать до него, когда он зазвонит. А пока он не зазвонил, чтобы можно было гневно сверлить этот чёртов аппарат взглядом. Дни складывались в месяцы, а мужья всё не звонили и не звонили.

Возвращались из Афгана загорелые дочерна. Привозили болезни, которые жёны воспринимали как венерические. Жаркий южный климат очень благоприятен для разгула ан-

тисанитарии и «пиршества» всяких паразитов. Не случайно в некоторых странах Средней Азии в ту пору детская смертность (до года) иногда достигала половины от числа новорождённых.

– Это что за хреновина? – оперативный дежурный отскочил от бойца, только что вернувшегося на базу из Афгана. С его лба свисал огромных размеров чирей.

– Да пошёл ты! Мне откуда знать, что это? Чёрт, как я с таким жене покажусь? – убивался парень.

Бойца повезли к врачу. К другому. К третьему. Все они, как один, разводили руками. Тогда бедолагу доставили в профильный НИИ, специализирующийся на тропических болезнях.

– Пендинка, – с ходу объявил пожилой доктор.

– Как, простите? – смущённо переспросил боец.

– Пендинка. Болезнь, переносимая насекомыми¹⁵. Откуда вы прибыли?

– Алтай, – соврал сопровождающий.

Доктор смерил его внимательным взглядом.

– Это вряд ли. Такое только в Средней Азии встречается. Ничего, вылечим, – сказал врач и заговорщицки подмигнул.

Для жены бойца попросили справку с названием болезни. Иначе в семье был бы грандиозный скандал.

---

¹⁵ «Пендинка», или «пендинская язва», лейшманиоз кожи (болезнь Боровского). Паразитарное заболевание, переносится москитами. Симптом пендинки – язвы на открытых участках тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.